Леонидъ Соколовъ.

64
689.

Вѣчныя цѣнности человѣческой жизни.

№45780.
БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

КІЕВЪ.
Тип. Акц. Об-ва „Петръ Барскій въ Кіевѣ“, Крещатикъ, № 40
1913.

Печатать дозволяется. 17 сентября 1913 г.
Ректоръ Академіи *Епископъ Иннокентій*.

041
44

Оттискъ изъ журнала „Труды Императорской Кіевской духов. Академіи".

Оглавленіе.

Стр.

Вступленіе. Паденіе цѣнностей, вялость духа, паника жизни, потеря жизненнаго смысла . . . . . 1— 3

Гл. I. Вѣчныя цѣнности человѣческой жизни въ опредѣленіяхъ бунтующаго человѣческаго духа. 3—53

I. Цѣнности общечеловѣческія съ точки зрѣнія матеріалистической, банкротство души . . . 3— 7

II Прикровенное отрицаніе общечеловѣческихъ цѣнностей въ позитивизмѣ и его теоріяхъ. . 7—25

III. Паденіе курса цѣнностей въ ученіи Л. Толстого . . . . . 20—30

IV. Переоцѣнка цѣнностей прошлаго и опредѣленіе цѣнностей будущаго у Ницше . . . . . 30—50

Выводъ.— Переустройство жизни. Антихристіанское строеніе жизни . . . . . 50—53

Гл. II. Вѣчныя цѣнности человѣческой жизни при свѣтѣ разумной вѣры и въ зеркалѣ русской поэзіи . . . . . 53—95

I. Религіозная вѣра, совѣсть, безсмертіе души, нравственное совершенство, дѣятельная любовь въ отраженіяхъ русской поэзіи . . . 53—85

II. Вѣчныя цѣнности, какъ пути къ жизненнымъ радостямъ . . . . . 85—95

Заключеніе. Оживленіе религіозно-нравственнаго сознанія, какъ условіе возстановленія жизненныхъ цѣнностей . . . . . 95—96

Вѣчныя цѣнности человѣческой жизни.

Когда въ дни общественныхъ невзгодъ и переустройства общественнаго зданія людьми овладѣваетъ паника и они, по чувству самосохраненія, изъ желанія обезпечить за собою хотя малую долю матеріальныхъ цѣнностей, въ предположеніи себя лучшими ихъ хранителями сравнительно съ кредитующимъ ихъ государствомъ, выбрасываютъ на биржевой рынокъ когда-то съ любовію и съ увѣренностью пріобрѣтенныя ими цѣнности,—послѣднія переживаютъ ужасающую переоцѣнку, доходятъ до полнаго обезцѣненія, а попытки новаго примѣненія жизненныхъ цѣнностей не достигаютъ цѣли, потому-что, при утратѣ довѣрія къ кредитору, и главное, при колебаніи и неустойчивости душевнаго равновѣсія, фальсифицированная цѣнность нерѣдко принимается за подлинную, а примѣненіе подлинныхъ цѣнностей попадаетъ въ условія, окончательно понижающія ихъ курсъ.

Когда при стремительномъ натискѣ современныхъ теорій, рисующихъ соблазнительныя картины всеобщаго благополучія и полной удовлетворенности, при побѣдномъ движеніи матеріально—утилитарнаго и позитивнаго міровоззрѣнія изстрадавшійся въ жизненныхъ нестроеніяхъ, истерзавшійся въ душевномъ разладѣ человѣкъ поддается искушенію мясныхъ котловъ и хлѣба до сытости, очаровывается миражемъ картинъ грядущаго, счастливаго человѣчества, съ забвеніемъ при этомъ небесной манны и вѣчно правдиваго предостереженія, что „не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ“,—преданія отеческія вмѣняются ни во что, исконно дорогія и близкія душѣ духовныя цѣнности не находятъ достаточной

вѣры въ смятенномъ духѣ современнаго человѣка, и послѣдній, выбрасывая ихъ на разноголосую и неустойчивую биржу базара житейской суеты, самъ принимая участіе въ пониженіи ихъ жизненнаго курса, на мѣсто вѣчныхъ цѣнностей, вводящихъ его въ вѣчные кровы, принимаетъ другія, временныя, и сыновнее служеніе Вѣчному Отцу щедротъ и всякія утѣхи, Богу Любви, замѣняетъ рабскимъ поклоненіемъ деспотичному золотому тельцу. Въ результатѣ этого болѣзненнаго процесса — „современный угрюмъ человѣкъ, благъ земныхъ обѣщалъ ему много, объ одномъ лишь забылъ, что нѣтъ блага безъ Бога, мой великій, но грустный мой вѣкъ“.

Безконечно цѣнныя и живительныя сокровища духа человѣческаго—вѣра религіозная, духовность и безсмертіе богоподобной души, совѣсть, восторженное служеніе нравственнымъ идеаламъ, радости дѣятельной братской любви находятъ слишкомъ мало доступа въ душу современнаго человѣка, а восхищеніе духа человѣческаго до третьяго неба, гдѣ слышны глаголы вѣчной жизни, „ихже не лѣть есть человѣку глаголати“, становится все менѣе доступнымъ для оземленившагося и плотяного духа человѣческаго. Старыя цѣнности жизни пали, довѣріе къ нимъ понизилось, а новыя—не оправдали человѣческихъ чаяній, и въ результатѣ паденія цѣнностей—вялость духа, утрата цѣльныхъ характеровъ, дряблость воли, безжизненность настроеній, смутность жизненнаго смысла, при которыхъ жизнеупорность духовнаго организма человѣческаго понижается до невозможности противостоять натиску жизненныхъ кумировъ. Но, подобно тому, какъ въ минуту общественной паники нерѣдко опредѣленіе человѣкомъ своего положенія вливаетъ бодрость въ его настроеніе, и энергичный голосъ ясно сознающаго опасность наблюдателя жизненныхъ неурядицъ возвращаетъ людямъ выдержку, спокойствіе, увѣренность въ своихъ силахъ и тѣмъ спасаетъ положеніе,—такъ при разнорѣчивости

рыночныхъ жизненныхъ сужденій по вопросу о цѣнностяхъ жизни, при наблюденіи дѣтски неразумныхъ увлеченій въ сторону временнаго, съ забвеніемъ вѣчнаго, при размышленіи о господствующихъ въ практикѣ основныхъ жизненныхъ мотивовъ, человѣкъ, близкій духомъ къ незыблемой и неодолимой хранительницѣ жизненныхъ вѣчныхъ цѣнностей—Церкви Христовой, чувствуетъ непреодолимую потребность 1) опредѣлить положеніе жизненныхъ духовныхъ цѣнностей на міровомъ рынкѣ, 2) оживить свое сознаніе въ этомъ отношеніи и заявить всѣмъ, неутратившимъ духовной чуткости своимъ собратьямъ, что духовныя цѣнности не потеряны, что ихъ вѣчный смыслъ не измѣнился, что онѣ—тѣ же, что и въ чаяніяхъ философовъ—христіанъ въ язычествѣ, что ясно выражены въ вѣчной Божественной Книгѣ, а сокровищница духовныхъ цѣнностей—Церковь Христова не разграблена и попрежнему сильна духовно питать алчущія души, что искомое благо близко къ человѣчеству и что оживленіе христіанскаго самосознанія—единственный вѣрный путь къ искомой цѣли.

По этимъ, именно, мотивамъ, полагая задачу ученаго богослова въ проясненіи основъ христіанскаго самосознанія и въ освѣщеніи вопросовъ жизни съ христіански-церковной и православной точки зрѣнія, я избираю для своего настоящаго чтенія предъ высокимъ собраніемъ ученыхъ богослововъ и любознательныхъ богословствующихъ христіанъ темой вопросъ о цѣнностяхъ жизни, имѣя ближайшее намѣреніе: 1) освѣтить ихъ положеніе на современномъ жизненномъ рынкѣ и 2) опредѣлить ихъ жизненное значеніе и неутраченность вѣчнаго чекана по сознанію лучшей и наиболѣе близкой къ интеллигентной публикѣ части общества—русскихъ писателей.

1) Въ ряду жизненныхъ философскихъ направленій, подвергающихъ переоцѣнкѣ или отрицанію наши дорогія вѣчныя цѣнности, на биржѣ житейской суеты мы видимъ рѣшительныхъ и неприкровенныхъ прямолинейныхъ противни-

ковъ самой сокровищницы жизненныхъ цѣнностей, хранительницы наслѣдія нашихъ предковъ и Божіей милости, открыто пускающихъ въ легковѣрную массу растлѣвающую мысль о полномъ, будто-бы, крахѣ нашихъ духовныхъ цѣнностей, рисующихъ самую Сокровищницу духовныхъ богатствъ въ обликѣ пережитка старины и предъявляющихъ свои, будто-бы эмпирически провѣренныя и научно-обоснованныя жизненныя цѣнности. Такими противниками вѣчныхъ цѣнностей жизни являются адепты матеріалистическаго и эволюціоннаго міровоззрѣнія.

Исторически начавшись въ ту отдаленную эру греческой философіи, когда, очарованный благодатной природой и дѣтски привязанный къ чувственно воспринимаемому, грекъ, въ лицѣ гилозоистовъ Ѳалеса, Анаксимена, Левкиппа, Демокрита и др., пришелъ къ выводу о самодовлѣемости вещества для объясненія міровой жизни, матеріализмъ въ XVIII вѣкѣ христіанской эры уже рѣшительно заявилъ себя отрицателемъ вѣчныхъ цѣнностей и разрушителемъ отжившихъ, съ его точки зрѣнія, вѣрованій человѣчества, исповѣдуя, что природа—живой организмъ, человѣкъ — очень хорошая машина, на мѣстѣ Бога можетъ стоять съ удобствомъ чувствительная матерія; души, какъ особой субстанціи, нѣтъ; вѣчность и безсмертіе не существуютъ, а вся міровая жизнь сводится къ круговороту жизни.—Въ половинѣ XIX вѣка, при блестящемъ подъемѣ и быстромъ ростѣ естествознанія, матеріализмъ и эволюціонизмъ особенно рѣшительно заявили свои претензіи на исключительное господство надъ умами человѣческими и нашли талантливыхъ выразителей въ лицѣ Молешотта, Бюхнера, Фохта, Дарвина и др. Дѣятельность этихъ представителей эволюціонизма и матеріализма характеризуетъ вторую половину XIX вѣка въ направленіи основныхъ вѣрованій человѣчества. Борьба за цѣнности человѣческой жизни выразилась особенно ярко на Геттингенскомъ съѣздѣ естествоиспытателей въ 1854 г.

году, гдѣ представители спиритуализма выступили рѣшительно противъ механическаго міровоззрѣнія, приводящаго къ признанію, что ѣда и питье составляютъ высшіе идеалы человѣка. Противъ спиритуалистическаго воззрѣнія выступили знаменитые матеріалисты—Фохтъ и Молешоттъ съ горячими доказательствами, что мышленіе есть движеніе вещества, мысли вырабатываются мозгомъ, духовная жизнь—продуктъ матеріи, безсмертіе души равно нулю, а верховное начало бытія сводится къ вѣчному круговороту матеріи, при которомъ сочетаніе условій жизни, причинъ физическихъ и физіологическихъ ведетъ къ образованію явленій, именуемыхъ духовными, а самъ человѣкъ — „сумма родителей и кормилицы, мѣста и воздуха, свѣта и тепла, пищи и одежды“, и міровой атомъ есть тотъ Богъ, который съ удобствомъ производитъ всѣ жизненныя явленія.

Популяризація матеріалистическаго ученія успѣшно выполнена была Людвигомъ Бюхнеромъ въ его книгѣ „Сила и матерія“, сферу вліянія которой можно угадывать изъ того, что она еще при жизни автора, т. е. до 1899 года выдержала 19 изданій. Это та книга, которую представитель русскаго матеріализма—тургеневскій Базаровъ рекомендуетъ, какъ достойное чтеніе, русскому дворянину—Николаю Кирсанову. Наряду съ книгой Бюхнера явилась въ свѣтъ другая книга, выражающая основныя положенія современнаго матеріализма, это—„Міровыя загадки“ Геккеля, которая всѣ міровые вопросы сводитъ къ одной проблемѣ вещества. Наиболѣе характерной чертой для матеріализма является то, что онъ, отрицая Бога и душу, не имѣетъ никакого уваженія къ наукѣ о духѣ, къ ея методамъ и результатамъ, въ тоже время не сознавая метафизическаго характера своихъ собственныхъ утвержденій[1]). Мы не задаемся цѣлью по-

[1]) Историческое и критическое изслѣдованіе матеріализма дано Фр. Ланге въ его „Исторіи матеріализма“; три основныя возраженія противъ матеріализма отмѣчены у Осв. Кюльпе въ его книгѣ „Очерки современной германской философіи“; см. стр. 53—56.

дробнаго изложенія аргументовъ и основныхъ положеній матеріализма, тѣмъ менѣе ставимъ себѣ задачей изложеніе и разборъ эволюціонной теоріи дарвинизма и произвольнаго зарожденія, и хотимъ лишь отмѣтить, что теоріи и гипотезы эволюціоннаго порядка объявляютъ безаппелляціонно наши вѣчныя и дорогія цѣнности утратившими свой смыслъ и съ полной увѣренностью утверждаютъ,

„Что, молъ, нѣту души, а одна только плоть,
И что, если и впрямь существуетъ Господь,
То онъ есть только видъ кислорода“.

Попадая въ среду, философски невѣжественную, а таково большинство, совпадая съ естественно-матеріальными плотскими вожделѣніями, освобождая совѣсть отъ нравственныхъ обязательствъ и потворствуя разнузданности инстинктовъ, съ пониженіемъ идеаловъ разума, матеріалистическое и эволюціонное ученіе быстро вербуетъ своихъ адептовъ, которые не скоро усвоятъ, что, вмѣсто хлѣба, предлагается имъ камень, что міровоззрѣніе матеріально эволюціонное есть ничто иное, какъ экспропріація духовныхъ цѣнностей подъ натискомъ новаго времени.

„Кстати ли вымыслы ваши въ нашъ вѣкъ положительный?
Много ли васъ остается, мечтатели?
Сдайтеся натиску новаго времени!
Міръ отрезвился, прошли увлеченія—
Гдѣ жъ устоять вамъ, отжившему племени,
Противъ теченія“?!

Борьба противъ эволюціоннаго теченія и матеріалистическаго міровоззрѣнія представляется тѣмъ болѣе трудною, что аргументы защитниковъ духовныхъ цѣнностей съ трудомъ воспринимаются адептами Бюхнера и Дарвина, ибо они, по выраженію гр. А. К. Толстого,

„Леченіемъ всякимъ гнушаются.
Они звона не терпятъ гуслярнаго,—
Подавай имъ товара базарнаго!
Все, чего имъ не взвѣсить, не смѣряти,
Все, кричатъ они, надо похѣрити!
Только то, говорятъ, и дѣйствительно,
Что для нашего тѣла чувствительно“.

Мѣра и вѣсъ, матерія и дѣлимость, тѣло и его функціи, инстинкты и ихъ освобожденіе, атомъ и его комбинаціи—вотъ тѣ цѣнности, которыя выдвинуло время противъ вѣчно дорогихъ вѣрованій человѣчества—Бога, безсмертія, духовности, братской любви и другихъ идеаловъ человѣческаго разума. Не мудрено, что въ этомъ случаѣ оказывается въ мірѣ „довольно простора для рынка наживы и тѣсно для свѣтлаго храма любви“, хранительница духовныхъ цѣнностей—Церковь объявлена банкротомъ, цѣнности обезличены и теряютъ кредитъ, блескъ духовной монеты потускъ и небесный чеканъ ея исчезаетъ въ угоду времени и въ мишурную и недолговѣчную славу плоти.

2) Но есть другіе противники и враги духовныхъ цѣнностей—прикровенные и не всегда ясные. Такими противниками нашихъ дорогихъ вѣрованій являются позитивисты. Они совершенно чужды тѣхъ грубыхъ глумленій надъ вѣрованіями, которыми стяжали себѣ извѣстность матеріалисты; наоборотъ, они обнаруживаютъ не только сдержанную вѣжливость по отношенію къ преданіямъ человѣческаго дѣтства, но и объявляютъ себя сторонниками тѣхъ же цѣлей, къ которымъ стремятся сторонники религіи, что особенно замѣтно по вопросу о практическомъ приложеніи основъ религіозно-христіанской морали. Катихизисомъ позитивистовъ являются—„Курсъ положительной философіи“ Огюста Конта и „Основныя начала“ Г. Спенсера.

Дѣлая видъ искренняго желанія примирить основныя положенія религіи и науки, Спенсеръ ставитъ въ основу

примиренія принципъ агностицизма—непознаваемость основныхъ идей религіи и науки. Ученіе Спенсера о „непознаваемомъ“, какъ основаніи примиренія религіи и науки, излагается въ первой части его „Основныхъ началъ“, гдѣ Спенсеръ дипломатически признаетъ за всѣми, самыми уродливыми представленіями извѣстную долю истины; всѣ ученія и вѣрованія, не смотря на кажущуюся уродливость и нелѣпость своихъ представленій, коренятся въ данныхъ опыта и носятъ въ себѣ долю истины. Каковы бы ни были религіозныя вѣрованія, какихъ бы доказательствъ ни представляли они въ свою пользу, они заключаютъ въ себѣ нѣкоторую долю истины. Подобно религіи, и наука, какъ фактъ въ исторіи человѣчества, не подлежитъ сомнѣнію. Цѣль науки, какъ и всякаго знанія, состоитъ въ возможномъ содѣйствіи благу человѣчества и удаленіи зла. Такимъ образомъ, по мнѣнію Спенсера, религія и наука суть безспорные факты въ исторіи человѣчества. Та и другая заключаютъ въ себѣ истину и имѣютъ основаніе въ дѣйствительности, поэтому между ними должно существовать коренное согласіе. Нельзя говорить, что религія и наука носятъ въ себѣ истины абсолютно и вѣчно противоположныя, что религія божественна, а наука демонична. При такихъ условіяхъ, повидимому, вполнѣ естественно достичь примиренія религіи и науки. Основное положеніе, на которомъ Спенсеръ надѣется примирить и объединить религію и науку, есть непознаваемость абсолютнаго, какъ конечной идеи въ религіи, и непознаваемость послѣднихъ идей въ наукѣ. Но ясно, что большее значеніе для примиренія религіи и науки имѣетъ у Спенсера первая часть его основного положенія—непознаваемость Абсолютнаго. Непознаваемость послѣднихъ идей науки для него не такъ важна, какъ непознаваемость Абсолютнаго. Абсолютное, по мнѣнію Спенсера, есть совершенно непознаваемая сила, лежащая въ основѣ міровой жизни, проявляющая себя въ жизни міра и людей. Но, если бы мы согласились съ Спенсеромъ,

что Абсолютное совершенно непознаваемо, то этимъ не только не достигалось бы примиреніе религіи и науки, но и самая религія не только была бы недостойна названія религіи сама по себѣ, какъ исповѣдующая объектъ, совершенно непонятный и непознаваемый, причемъ полный невѣжда есть и самый религіозный человѣкъ, но и совершенно безсильна по отношенію къ нравственной жизни человѣка. Что можетъ побуждать человѣка къ добродѣтельной жизни, къ терпѣливому перенесенію страданій, если Абсолютное Существо холодно и безучастно къ скорбямъ человѣка, какъ Спенсерово Абсолютное. Кромѣ практической стороны, религія необходимо и существенно связана съ теоретической: невозможно оправдать твердое стремленіе къ добродѣтели, когда нѣтъ понятія о Богѣ, о назначеніи человѣка и о Промыслѣ. Пока человѣкъ остается человѣкомъ, для него необходимо раскрытіе нормъ и идеаловъ нравственной жизни; и только религія можетъ дать удовлетвореніе присущему человѣку отъ природы стремленію къ высшему благу, а наука можетъ систематизировать рѣшительные вопросы ищущей Бога человѣческой души и посильно приводить ихъ въ соотношеніе съ познанными ею явленіями дѣйствительной жизни природы, человѣческой личности и общества. Если наука и религія могутъ быть примирены, то, во всякомъ случаѣ, не на почвѣ науки, а на почвѣ религіозной. Не религія должна уступить мѣсто наукѣ; признавъ непознаваемость Абсолютнаго, а наука должна признать незаконность своихъ притязаній на богословское знаніе и созданіе нравственныхъ идеаловъ, принадлежащее исключительно религіи [1]). Несомнѣнно, что въ этихъ попыткахъ Спенсера примирить религію и науку, въ сужденіяхъ

---

[1]) Подробное изложеніе и разборъ основныхъ положеній позитивизма по отношенію его къ религіи можно читать въ нашей статьѣ „Притворное и подлинное отношеніе позитивизма къ религіи". (Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія, за 1892 годъ).

о методѣ этого примиренія сквозитъ желаніе отмѣтить для широкой публики мнимую иллюзорность религіи въ ея планахъ на устроеніе жизни при непознаваемости абсолютнаго, несостоятельность, отсюда, и всѣхъ дальнѣйшихъ ея духовныхъ цѣнностей, какъ связанныхъ съ основнымъ предметомъ религіозно-нравственной жизни—вѣрою въ Бога, Который, съ точки зрѣнія Спенсеровыхъ сужденій, есть въ лучшемъ случаѣ трудно опредѣлимый X, а въ совершенно естественныхъ съ позитивной точки зрѣнія выводахъ является номинальнымъ опредѣленіемъ изслѣдуемыхъ человѣкомъ основъ жизни. Но къ еще болѣе печальному положеніи оказываются, съ позитивной точки зрѣнія, духовныя цѣнности вѣрующаго человѣчества, если ихъ смыслъ опредѣляется со стороны законовъ историческаго развитія. По мнѣнію Ог. Конта, въ ходѣ историческаго развитія человѣчества различаются три основныхъ ступени—теологическая, метафизическая и позитивная. На первой ступени человѣкъ объясняетъ всѣ явленія жизни участіемъ сверхъестественныхъ дѣятелей, на второй ступени—тѣ же явленія опредѣляются въ своихъ конечныхъ причинахъ метафизическими сущностями и на третьей, высшей ступени развитія человѣчества,—послѣднее, извѣрившись въ теологическомъ міровоззрѣніи и въ метафизическомъ міропониманіи, отказывается отъ всякихъ объясненій изначально конечнаго и переходитъ къ познанію фактовъ жизни эмпирическими методами, полагая задачу свою въ обобщеніяхъ и объединеніи выводовъ положительнаго знанія. Миѳологическое объясненіе явленій при помощи божественныхъ силъ такъ же, какъ и абстрактное ипостасированіе общихъ силъ, по мнѣнію позитивизма, мало по малу и съ необходимостью отступаетъ предъ позитивнымъ способомъ представленія и разсматриванія всѣхъ вопросовъ нашего познанія, по которому цѣлью науки должно быть нахожденіе законовъ природы и сведеніе ихъ на возможно простыя формы. Современными представителями позитивизма являются физикъ Эрнстъ

Махъ и философъ Евгеній Дюрингъ, которому принадлежитъ довольно распространенное сочиненіе по соприкосновенному съ нашимъ вопросу—„Цѣнность жизни“, вышедшее въ первый разъ въ 1865 г., а въ 1894 году появившееся уже пятымъ изданіемъ [1]). Э. Махъ въ своемъ сочиненіи „Анализъ ощущеній“ проводитъ мысль объ исключительномъ довѣріи къ ощущенію и фактамъ опыта, обосновывая на этомъ свою исключительно позитивную и антиметафизическую тенденцію. Забывая или оставляя безъ вниманія несомнѣнно существующую и ясно возможную въ нашемъ духовномъ опытѣ самостоятельность мысли и ея внутреннюю закономѣрность, независимо отъ опыта, Махъ рекомендуетъ исключительное довѣріе къ опыту. Между тѣмъ, всѣ тѣ мысли человѣчества, выводы и обоснованія, которыя, въ общей сложности, составляютъ науку, которыя являются результатомъ напряженной работы духа въ своихъ собственныхъ предѣлахъ, обязаны своимъ происхожденіемъ не столько случайному ощущенію, субъективному и неустойчивому даже въ предѣлахъ частнаго опыта, сколько анализу тѣхъ глубинъ и основъ, которыя хранятся въ нѣдрахъ самаго духа. Только путемъ названнаго анализа и на основахъ вѣчнаго стремленія человѣка въ область вѣры, при свѣтѣ богооткровеннаго ученія и интуиціи вѣрующаго сознанія могутъ быть уяснены подлинныя цѣнности человѣческой жизни, придающія послѣдней не только временную значимость, но и премірный, вѣчный смыслъ. Между тѣмъ, отстранивши отъ себя, за отсутствіемъ или слабостью религіозно-нравственныхъ основъ, вопросъ о смыслѣ жизни, представители эволюціоннаго направленія всѣхъ оттѣнковъ стараются найти себѣ въ самой жизни цѣнности, оправдывающія жизнь, указывая ихъ или 1) въ условіяхъ

---

[1]) Изложеніе и формулировку позитивныхъ воззрѣній Маха и Дюринга можно читать по книгѣ Кюльпе—„Очерки современной Германской философіи“, стр. 20—39.

отношенія человѣка къ жизни, или 2) обращая жадное сознаніе изнемогшаго человѣка къ мысли о возможности реализаціи всѣхъ стремленій жизни въ предѣлахъ ея самой и внѣ условій вѣчнаго. Примѣромъ перваго можетъ служить попытка Е. Дюринга направить сознаніе всего человѣчества въ сторону жизненныхъ наслажденій.

Въ своей обширной и многообѣщающей книгѣ [1]) Дюрингъ стремится всѣ интересы человѣка приковать къ условіямъ временности и мотивы, придающіе жизни смыслъ, извлечь изъ тѣхъ психическихъ переживаній, которыя вызываются измѣненіями физіологическими подъ вліяніемъ воздѣйствія физическаго міра. По мнѣнію Дюринга, нѣтъ такихъ мотивовъ и настроеній, которые получались бы не изъ ощущеній и аффектовъ. Страсти составляютъ необходимую принадлежность человѣка, и жизнь должна считаться потерянной, если она лишена страстей [2]). Вопросы безсмертія и вѣчности съ представленіемъ вознагражденія въ загробной жизни за всѣ земныя лишенія въ смыслѣ уже пережитыхъ состояній, но въ болѣе привлекательномъ видѣ, являются результатомъ обездоленности большей части человѣчества [3]). Но, отнимая традиціонныя цѣнности у человѣчества, Дюрингъ совсѣмъ не хочетъ и погруженія человѣчества въ безнадежный пессимизмъ; наоборотъ, онъ ставитъ своей задачей—бороться съ пессимизмомъ и ищетъ оружія для этой борьбы въ своей „философіи дѣйствительности“. А философія эта обоснована величайшими, по мнѣнію Дюринга, умами XIX вѣка—Огюстомъ Контомъ и Людвигомъ Фейербахомъ [4]). Примыкая въ онтологическомъ и гносеологическомъ смыслѣ къ этимъ

---

[1]) Е. Дюрингъ. Цѣнность жизни. Изслѣдованіе въ смыслѣ героическаго жизнепониманія, переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія Ю. Антоновскаго, изд. 2, Спб. 1896 г.

[2]) Е. Дюрингъ. Стр. 63.

[3]) Е. Дюрингъ, стр. 11—12.

[4]) Тамъ же. Стр. 43.

„великимъ умамъ“, Дюрингъ съ пренебреженіемъ относится къ метафизикѣ, которую считаетъ безплодной схоластикой и вымирающимъ культомъ, отвлекающимъ жизнь на путь сущностей, лишенныхъ всякаго содержанія [1]). Онъ согласенъ съ тѣмъ основнымъ положеніемъ эволюціонныхъ теорій, что матерія—основа бытія, а проявляющіяся въ ней силы составляютъ вмѣстѣ съ ней единую неразрушимую среду [2]). Другихъ началъ, кромѣ имманентной матеріи силы, и быть не можетъ [3]), а человѣкъ, во всей сложности его духовной организаціи, составляетъ часть природы, и въ пониманіи этого единенія человѣка съ природой заключается тайна бытія человѣческаго; всякія же разсужденія о потустороннемъ мірѣ, съ этой точки зрѣнія, пустая фикція [4]). Въ своемъ творческомъ процессѣ природа идетъ путемъ постепеннаго развитія. Общая система развитія природы подготовила появленіе сознательной жизни, которая является результатомъ дѣятельности силъ природы и представляетъ собою космическій продуктъ. Въ мірѣ, органически сознательномъ,—тотъ же процессъ развитія, что и въ остальной природѣ [5]). Но, дойдя до человѣка, природа не закончила своего предѣла развитія, и человѣчество можетъ, по мнѣнію Дюринга, превратиться въ новый, облагороженный типъ съ значительно иной организаціей [6]). И Дюрингъ, будучи убѣжденнымъ меліористомъ, надѣется, что побѣдное движеніе культуры приведетъ къ уничтоженію жизненныхъ ненормальностей, и жизнь и люди войдутъ въ стадію повышенныхъ цѣнностей. Опредѣляя жизнь съ точки зрѣнія ощущеній и еще болѣе сообщающихъ жизни энергію страстей, Дюрингъ отрицательно относится

---

[1]) Тамъ же. Стр. 137.
[2]) Тамъ же. Стр. 46.
[3]) Тамъ же. Стр. 219.
[4]) Дюрингъ. Стр. 251—252.
[5]) Тамъ же. Гл. IV, стр. 58.
[6]) Тамъ же. Стр. 215—216.

къ тѣмъ ученіямъ, которыя проповѣдуютъ умерщвленіе страстей и аскетизмъ. Аскетизмъ, по его мнѣнію, вреднѣе, чѣмъ убійство и самоубійство, потому-что всѣ аскетическія ученія умерщвляютъ не одну индивидуальную жизнь, но и жизнь потомства [1]). Жизнь, по Дюрингу, представляетъ собой интересъ и цѣнность для человѣка въ той лишь мѣрѣ, въ какой она даетъ возможно большее количество наслажденій. Страданіе же и трудъ, неизбѣжные въ жизни, пріобрѣтаютъ смыслъ, по закону перемѣнъ, какъ условіе, при которомъ самое наслажденіе цѣнится человѣкомъ [2]). Характеръ цѣнимыхъ человѣкомъ наслажденій измѣняется и эволюціонируетъ въ зависимости отъ общественнаго и матеріальнаго положенія человѣка и, еще болѣе, въ зависимости отъ возрастовъ жизни. Переживая тотъ или иной возрастъ, человѣкъ переживаетъ и связанныя съ возрастомъ наслажденія и удовольствія. Въ дѣтскомъ возрастѣ—человѣкъ получаетъ удовольствіе отъ игръ [3]). Въ юношескомъ и послѣдующихъ возрастахъ—отъ любви [4]). Въ возрастѣ зрѣломъ—къ прочимъ источникамъ человѣческихъ наслажденій прибавляются общественныя и государственныя обязанности, при которыхъ человѣкъ, существуя общественностію, пользуется полнотою жизни и развиваетъ свое знаніе до болѣе высокой степени [5]). Изъ числа источниковъ, доставляющихъ человѣку наслажденія, Дюрингомъ не исключено и служеніе общественнымъ идеаламъ. Въ идеалахъ, которыми предвосхищается дѣйствительность, достижимая, быть можетъ, въ отдаленномъ будущемъ, человѣкъ чувствуетъ источникъ возможныхъ наслажденій, будущихъ сильныхъ возбужденій, и воплощеніе идеаловъ въ

---

[1]) Дюрингъ. Стр. 64—65.

[2]) Тамъ же. Стр. 97—99.

[3]) Тамъ же. Стр. 97—98.

[4]) Этому вопросу посвящена у Дюринга цѣлая глава V, подъ заглавіемъ „Любовь и жизнь пола“, стр. 139—184.

[5]) Дюрингъ. Стр. 279.

естественной и обозримой формѣ доставляетъ благороднѣйшее удовлетвореніе жизнью [1]). Жизненныя нестроенія, различнаго рода страданія и даже самая смерть, по Дюрингу, не обезцѣниваютъ жизни, какъ, повидимому, должно было быть при его точкѣ зрѣнія на вещи. Вѣдь, если фактъ смерти прерываетъ всю міровую эволюцію въ отношеніи къ моему я, то и весь тотъ трудъ, которымъ трудился я подъ солнцемъ, есть суета суетъ и праздное томленіе духа. Но Дюрингъ находитъ основанія для примиренія со смертію въ томъ, что смерть понимаетъ не какъ бѣдствіе, но какъ непреложный ритмъ, существующій въ природѣ, безъ котораго всѣ интересныя для человѣка переживанія обратились бы въ какія-то окаменѣлости [2]); напротивъ, жизнь съ тревогами и волненіями, страданіями и смертью, тѣмъ самымъ и пріобрѣтаетъ въ глазахъ Дюринга высшій интересъ и наибольшую цѣнность; только старческій умъ рекомендуетъ покой, какъ счастье, но наше непроизвольное стремленіе разсуждало бы правильнѣе, всякій разъ предпочитая ему прелесть бурнаго существованія и не думая вовсе о послѣдней катастрофѣ [3]). Мораль должна настойчиво требовать, чтобы люди учились не избѣгать смерти, но встрѣчать ее съ достоинствомъ; жалкій отблескъ суевѣрныхъ мыслей, часто отражающійся на лицѣ умирающаго, долженъ со временемъ совершенно исчезнуть [4]). — Основныя положенія Дюринга, слѣдующія изъ вышеприведенныхъ сужденій, сводятся къ немногимъ тезисамъ: 1) Матерія — сущность бытія, а потому сверхъестественному въ мірѣ нѣтъ роли. 2) Эволюція матеріи производитъ всю міровую жизнь, высшую форму которой составляетъ человѣкъ, а высшее въ немъ—

---

[1]) Дюрингъ, стр. 137.

[2]) Вопросу о смерти посвящена у Дюринга VI глава, подъ заглавіемъ „Смерть“, стр. 184—217.

[3]) Тамъ же, стр. 190.

[4]) Тамъ же, стр. 191—192.

сознательныя явленія. 3) Задача обще-міровой и, въ особенности, человѣческой жизни—въ прогрессѣ съ цѣлію производства, силами природы, такихъ формъ бытія, которыя превосходили бы человѣка. 4) Наиболѣе цѣнное содержаніе человѣческой жизни составляютъ ощущенія и вообще-душевныя движенія, доставляющія человѣку наслажденія. 5) Наслажденіе и есть высшая цѣнность жизни. Наслажденіе индивидуализируется по возрастамъ и положеніямъ человѣка. 6) Страданіе и смерть не понижаютъ жизни, а—повышаютъ, какъ увеличивающія ритмъ ея. 7) Въ жизни, конечно, немало недостатковъ, но культура постепенно побѣждаетъ ихъ, и сумма наслажденій возрастаетъ.

Мы не имѣемъ въ виду вдаваться въ подробный разборъ указанныхъ тезисовъ, ибо это значило бы повторять слишкомъ ясные недостатки матеріализма, эволюціонизма и эвдемонизма. По отношенію къ нашей цѣли—опредѣленію положенія духовныхъ цѣнностей на міровомъ рынкѣ—представляется здѣсь важнымъ то, что прогрессъ и эволюція матеріи стоятъ въ основѣ міровой жизни, а наслажденіе—единственно важный мотивъ, съ точки зрѣнія котораго должны опредѣляться жизненныя цѣнности. При такомъ воззрѣніи, какъ изложенное, сознаніе человѣческое погружается въ обольстительный миражъ, приносимый поступательнымъ ходомъ культуры, а погоня за наслажденіями жизни въ призмѣ эмпирическихъ сознаній совершенно устраняетъ надземныя цѣнности, и восторженно-пытливый взоръ человѣка, устремленный въ безконечную высь, опускается въ земную предѣльность, гдѣ „умъ его блуждаетъ и гдѣ стопы его скользятъ“. Наслажденіе—цѣль жизни. Культура увеличиваетъ источники наслажденій. Матеріальная обезпеченность гарантируетъ человѣку доступность этихъ источниковъ. Но тогда, почему люди богатые, обезпеченные и съ завиднымъ жизненнымъ положеніемъ переживаютъ томленіе духа, приходя къ выводу что все въ родинѣ земной предѣльности—суета суетъ, и

нѣтъ изобилія подъ солнцемъ, а если наслажденіе человѣка—есть наивысшая цѣнность, то чѣмъ доля человѣка отличается отъ доли скота, а, если нѣтъ никакихъ надземныхъ цѣнностей, то не безспорно ли тогда, что „благъ песъ живый паче льва мертва“? Не говоря уже о полной несостоятельности теоретической, сужденіе о ритмѣ жизни, по которому нужны страданія и смерть для жизненной гармоніи, лишено всякаго практическаго основанія и смысла. Вѣдь, о ритмѣ и художественности въ стройной смѣнѣ страданій и наслажденій, бытія и смерти, возрожденія и паденія, при обычной эволюціонной точкѣ зрѣнія можетъ разсуждать только далекій отъ жизни, обезпеченный и самообольщенный въ своихъ гипотезахъ эстетъ и философъ, потому-что въ обычно-житейскихъ переживаніяхъ обычному труднику жизни не до ритма жизненныхъ плюсовъ и минусовъ; красивое съ художественной стороны страданіе—въ переживаніи обычнаго человѣка не такъ то ужъ прекрасно, а, если изъ этихъ страданій соткана вся скорбная доля жизни человѣка, то не ясно ли, что этимъ устраняется и всякій смыслъ бытія, коль скоро въ жизни цѣль—наслажденіе. Что касается грядущей и неизбѣжной для каждаго человѣка смерти, то она только для вѣрующаго сознанія и для мощнаго своими вѣчными цѣнностями духа человѣческаго можетъ являться въ ореолѣ жизненнаго ритма въ связи съ жизнью, при которомъ и гробъ является, какъ „затворенная къ счастію дверь“; для потерявшаго же вѣру въ вѣчныя цѣнности, обезображеннаго въ своемъ содержаніи духа эта смерть должна чувствоваться, въ большинствѣ случаевъ, какъ кошмарный призракъ, одна возможность появленія котораго должна отбить аппетитъ ко всякимъ наслажденіямъ [1]). Вслѣдствіе этого мы полагаемъ,

[1]) Сродное со взглядомъ Дюринга міровоззрѣніе выражается въ книгѣ другого важнаго представителя меліоризма — Дж. Сёлли —„Пессимизмъ“, переводъ со второго англійскаго изданія, Спб. 1893 г. Та же

что устраненіе изъ міровоззрѣнія человѣка животворныхъ началъ религіи, нравственности, безсмертія, духовности, долга, совѣсти и любви ведетъ къ полнѣйшему банкротству человѣческаго духа, которое долгое время не представляется для человѣка очевиднымъ въ виду рисуемыхъ ему прикладными позитивно-утилитарными теоріями гипотезъ о возможности реализаціи искомаго человѣчествомъ блага, при отказѣ отъ традиціонныхъ цѣнностей съ замѣною ихъ тѣми, которыя выработаны эволюціей науки въ связи съ религіею прогресса.

3) Примѣромъ такого рода увлекательныхъ гипотезъ осуществленія высочайшаго блага человѣчества представляются позитивно—соціалистическія гипотезы Сенсимонизма и Фурьеризма, которыя, возникши на зарѣ XIX вѣка и проявившись съ особенною силою въ 60—70 годы указаннаго столѣтія, не потеряли своего обаянія надъ умами просвѣщенной толпы до настоящаго времени.

Незаурядный мыслитель, вдохновляемый идеями общаго блага и борьбы съ нестроеніями жизни, Сенъ-Симонъ (1760—1825) ставитъ своею заданей въ отношеніи къ общественному устройству облегченіе участи самого бѣднаго и самого многочисленнаго класса общества. Его взору представляется „новое христіанство“, при которомъ объединятся религія и наука, трудъ и капиталъ, и каждый получитъ по его способностямъ, и каждая способность—по ея дѣламъ. Идеалъ Сенъ-Симона захватываетъ невольно вниманіе человѣка, и тѣмъ въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ больше страдаетъ онъ отъ нестроеній жизни. На какихъ же началахъ стремится этотъ утопистъ создать всеобщее благоденствіе?—Конечно, на началахъ того же процесса и эволюціи. Конечно, съ полнымъ

вѣра во всесильный прогрессъ на эволюціонно-безрелигіозныхъ началахъ въ духѣ дарвинизма съ естественнымъ подборомъ и борьбою за существованіе. Тоже опредѣленіе жизненнаго счастія въ условіяхъ временности и сужденіе о работахъ людей настоящаго во имя благополучія людей будущаго.

отрицаніемъ тѣхъ цѣнностей, которыя дороги религіозно-нравственному и вѣрующему сознанію человѣчества. Его наука—наука матеріалистическая и позитивная. Онъ передаетъ руководство жизнью и обществомъ въ руки химиковъ и естествоиспытателей.—Его религія—есть совокупность примѣненій общей науки, при посредствѣ которыхъ просвѣщенные люди управляютъ невѣжественными. Въ средніе вѣка наука была служанкой богословія, выводы обѣихъ не могли противорѣчить другъ другу и должны были совпадать. По Сенъ-Симону должно быть тоже самое, но съ тѣмъ отличіемъ, что взаимное отношеніе элементовъ въ этой гармоніи существенно должно измѣниться, т. е. религія и наука должны быть въ гармоніи, и религія не должна противорѣчить наукѣ, являясь въ служебной роли по отношенію къ послѣдней. Религія, по Сенъ-Симону, старѣется такъ же, какъ другія учрежденія, и должна по временамъ возрождаться, вслѣдствіе чего религія обращается въ служебное средство для достиженія цѣлей общественнаго устройства, а это послѣднее понимается этимъ мыслителемъ въ утопическомъ, соціально-позитивномъ смыслѣ въ направленіи общаго, главнымъ образомъ, матеріальнаго довольства при союзѣ труда и капитала, рабочихъ и предпринимателей. Такимъ образомъ, въ позитивно-соціологическомъ ученіи Сенъ-Симона религія въ принятомъ смыслѣ, какъ совершеніе нашего вѣчнаго душевнаго спасенія, устраняется, религія креста, смиренія и страданія непонятна и ненужна для соціаль-позитивистовъ: слово крестное имъ—юродство есть. Христіанство исторически-церковное чуждо соціаль-позитивистамъ, а ихъ „новое христіанство“ лишено духа не только христіанскаго, но и религіознаго [1]).

---

[1]) Борьба противъ христіанства на этой почвѣ, какъ противъ религіи возрожденія и спасенія, не чужда и нашему времени, когда въ сѣверной столицѣ возникаетъ общество носителей новаго религіознаго

Такимъ же путемъ, т. е. безъ вѣчныхъ основъ вѣрующаго духа—безъ Бога, религіи и вѣчности хочетъ устроить на землѣ Царство Божіе другой великій мечтатель XIX вѣка, энтузіастъ и утопистъ Шарль Фурье.—Ставя источникомъ всѣхъ нестроеній жизни неправильное распредѣленіе труда и капитала и усматривая въ результатѣ этого—праздную затрату человѣческихъ силъ, Фурье хочетъ создать такую организацію, которая устранитъ всѣ отрицательныя явленія жизни. Въ основу новаго строя, Фурье ставитъ образцово организованную общину съ общей собственностью, правильнымъ распредѣленіемъ средствъ и обязанностей и устраненіемъ наемнаго труда. Община, носящая у Фурье названіе „фаланги", имѣетъ свой благоустроенный дворецъ, именуемый фаланстеромъ, въ которомъ практическое примѣненіе всѣхъ пріобрѣтеній культуры, техники и знанія обезпечиваетъ каждой семьѣ наивысшую долю благополучія и исключаетъ возможность какого бы то ни было недовольства. Возможна частная собственность, индивидуализмъ въ проявленіи потребностей, но, по мнѣнію Фурье, общественность въ этихъ отношеніяхъ предъявляетъ столь очевидныя преимущества, что само собою произойдетъ поглощеніе частнаго общимъ.

Такимъ образомъ, въ этихъ позитивно соціальныхъ гипотезахъ дѣлаются попытки обоснованія христіанства, которое не было бы связано съ именемъ Христа, но въ которомъ сохранялся бы духъ Христовъ, чтобы воодушевлять людей и управлять ими и даже тѣми изъ нихъ, которые не признаютъ христіанскихъ истинъ и приходятъ къ сомнѣнію въ существованіи Іисуса Христа [1]). Въ этихъ гипотезахъ выражается

сознанія, стремящихся выставить христіанство религіей исключительно радости и возражающихъ противъ нея, какъ религіи страданія и смиренія.—Разборъ этихъ воззрѣній можно читать по кн. П. Я. Свѣтлова „Христіанская религія креста, какъ религія радости". Сергіевъ Посадъ, 1909 г.

[1]) Оле-Ляпрюнъ. Цѣнность жизни. Переводъ съ франц. подъ ред. профес. Моск. дух. академіи А. И. Введенскаго. Харьковъ, 1898 г., стр. 36.

одно изъ свойствъ нашего вѣка, которое состоитъ въ стремленіи соединять матеріалистическое и натуралистическое отрицаніе со склонностью къ идеальному [1]). Здѣсь такъ же, какъ и въ извѣстной книгѣ Гюйо [2]) дѣлается попытка обоснованія морали безъ обязанности и догматовъ. Какъ существо физическое,—человѣкъ,—да, часть природы и подчиняется ея законамъ; какъ существо нравственное, онъ выше природы, живетъ и дѣйствуетъ по инымъ законамъ, чѣмъ части физическаго міра, и нравственный авторитетъ въ его сознаніи побѣждаетъ инстинкты. Но этотъ нравственный авторитетъ совершенно невозможенъ безъ высшаго авторитета невидимаго верховнаго Владыки, голосъ Котораго мы слышимъ въ богодухновенныхъ письменахъ, въ Церкви и въ нашемъ разумѣ и совѣсти. И не нравственный міръ измышленъ по образу соціальнаго и политическаго строя, но, наоборотъ, самый соціальный и политическій строй организованъ по образу и подобію нравственнаго міра [3]). Нравственность безъ догматовъ—безпочвенна, христіанство безъ Христа—утопія. Царство Божіе безъ вѣры въ Бога—жалкая фикція, которой, если и вѣрятъ, то лишь въ богоборномъ стремленіи человѣческаго духа, лишь потому, что наша жизнь, хотя и стремится къ сокрушенію идоловъ жизни, но по старой памяти поддерживаетъ враждебныя божественной нашей вѣрѣ теоріи матеріализма и позитивизма, не смотря на то, что онѣ ведутъ неизбѣжное разочарованіе и томленіе духа, вслѣдствіе чего современные люди съ томительной жаждой ищутъ доступнаго имъ раскрытія жизненной истины. Подтвержденіемъ этого томленія духа современныхъ людей можетъ служить быстрое и сильное, пожарамъ подобное вліяніе на нихъ всякаго вновь появляющагося убѣжденнаго, хотя бы и грубо заблуждаю-

---

[1]) **Тамъ же**, стр. 123.

[2]) Гюйо. Очеркъ морали безъ обязанности и безъ санкціи. Особ. стр. 245, 237, 250.

[3]) Оле-Ляпрюнъ, стр. 141.

щагося учителя вѣры или жизни,—будь это сектантскій проповѣдникъ въ простомъ народѣ, будь это проводникъ какихъ-либо нравственныхъ понятій въ обществѣ образованномъ. Конечно, ложь не можетъ долго обманывать народную совѣсть, минутное удовлетвореніе ея оканчивается разочарованіемъ, и по небосклону народной жизни или общественной письменности раздаются глухіе раскаты философіи отчаянія отъ безвѣрія или, точнѣе, отъ тщетнаго исканія вѣры, отъ неумѣнія обрѣсти проповѣдуемую Церковью благодатную жизнь, утоляющую духовную жажду [1]), вслѣдствіе отказа отъ божественныхъ догматовъ Церкви, на которыхъ зиждется нравственная жизнь вѣрующаго человѣка [2]). Но пока ложь моднаго ученія не обнаружится, оно въ той или иной формѣ увлекательно дѣйствуетъ на безвѣрное сознаніе человѣка, склоннаго вѣрою въ прогрессъ и культуру замѣнить вѣру въ Бога. И, разумѣется, если мы обратимъ вниманіе на успѣхи современной культуры, на завоеванія техники, на торжество человѣческаго генія, мы поймемъ преклоненіе человѣчества предъ идоломъ культуры и прогресса, при которомъ скрижали завѣта падаютъ разбитыми къ подножію жизненнаго Молоха, но вдумываясь ближе въ основы новой вѣры человечества, мы поймемъ также и неотвратимую тщету духа въ борьбѣ земными средствами съ великимъ смысломъ надземности. Въ подверженіе этого, попытаемся сопоставить доступныя обычному наблюденію жизненныя впечатлѣнія. Когда мы видимъ благоустроенные городскіе дома и квартиры въ нихъ со всѣми примѣненіями культурной техники, съ обиліемъ свѣта, обезпеченностію тепла, съ эстетичностію совнѣ

---

[1]) Архим. Антоній. Какими средствами усовершенствуется общественная жизнь. Слово въ день Богоявленія, Москва, 1892 г., стр. 4.

[2]) Нравственное значеніе догматовъ вообще и, особенно, важнѣйшаго изъ нихъ догмата Пресвятой Троицы наилучшимъ изъ извѣстныхъ намъ порядковъ уяснено въ статьѣ преосв. Антонія, „Нравственная идея догмата Пресвятой Троицы“.

и внутри, приспособленностію для удовлетворенія всѣхъ жизненныхъ потребностей и устраненіемъ всякаго рода возможныхъ затрудненій, съ подъемными машинами, электричествомъ и вентиляціей; когда по широкой, удобной и освѣщенной лѣстницѣ мы спускаемся въ нижніе этажи этихъ домовъ и находимъ здѣсь роскошные магазины съ предметами моды и роскоши, отвѣчающими изысканнымъ потребностямъ и требованіямъ удобства и гигіены, съ гастрономическими продуктами, удовлетворяющими самому изысканному вкусу, фруктами, напитками и печеньями; когда мы идемъ по залитымъ электричествомъ улицамъ, гдѣ, въ случаѣ нашего желанія,—къ нашимъ услугамъ наилучшіе и удобные способы передвиженія, и для потребностей страдающаго человѣчества—больницы, аптеки и санаторіи, а для здороваго человѣка—неистощимый комплексъ всякаго рода развлеченій и удовольствій; когда мы видимъ широкіе и привѣтливые входы банковъ, услужливо готовыхъ, повидимому, оказать намъ кредитъ; когда къ нашимъ услугамъ учебныя заведенія, учебныя учрежденія, библіотеки и органы прессы, охрана мирнаго теченія жизни; когда мы видимъ праздныя, безпечныя, разодѣтыя по послѣдней модѣ, беззаботно фланирующія по улицамъ толпы культурныхъ людей, готовыхъ вѣжливо извиниться при малѣйшемъ безпокойствѣ нашей личности; когда взвѣсимъ пути сообщенія—желѣзныя дороги, пароходы, автомобили, телефоны, телеграфы, а, взглянувъ въ высь, увидимъ чуть не на линіи облаковъ безпечно скользящаго въ воздушномъ океанѣ на летательной машинѣ человѣка,—не кажется ли намъ тогда, что мечты величайшихъ утопистовъ прошлаго и современныхъ объ общемъ благѣ людей осуществились, и не только отдѣльный городъ или участокъ земли но и вся земная поверхность, обратилась въ какой-то культурный фаланстеръ, при которомъ обоснованіе началъ всеобщаго человѣческаго братства обезпечено: обиліе потребностей, возросшихъ съ развитіемъ жизни и человѣческаго

генія, осложнило жизненную жажду человѣка, но побѣды быстролетной мысли человѣка надъ стихіями міра и власть надъ природой забѣжали впередъ и подготовили предложеніе благъ земныхъ ранѣе обнаруженія соотвѣтствующаго спроса, а при этомъ условіи—фантазеры и мечтатели отдаленныхъ вѣковъ могутъ спать спокойно въ нѣдрахъ земныхъ, окованныхъ обручами желѣзнодорожныхъ рельсъ и телеграфныхъ проволокъ, страдальцы же за благо ближняго, живущіе среди насъ, могутъ утишить боль своего чуткаго сердца, ибо, повидимому, погибъ Ваалъ, и вернулась на землю любовь: наука, культура и индустрія общимъ строемъ своимъ обосновываютъ, повидимому, нашу вѣру въ нескончаемый и несомнѣнный прогрессъ жизни, прекрасное настоящее ручается, повидимому, за еще болѣе лучшее будущее. Но... audiatur et altera pars! Но, если мы отъ всѣхъ отмѣченныхъ и прочихъ картинъ побѣднаго движенія культуры, обратимся къ изнанкѣ жизни; отъ теплыхъ, просторныхъ и удобныхъ квартиръ, отъ роскошныхъ общественныхъ зданій, отъ обильныхъ магазиновъ и блестящихъ театровъ и садовъ сойдемъ въ лишенные свѣта, тепла и сухости подвальные этажи громадныхъ „небоскребовъ“, посмотримъ на ихъ обитателей, не радующихся свѣту Божьяго солнца, на ихъ дѣтей, воспринимающихъ свѣтъ солнца и жизнь міра въ предѣлахъ каменнаго ящика, посмотримъ на ихъ продукты питанія, жизненную борьбу, нравственную атмосферу, выразительные и недвусмысленные взоры и жесты по адресу верхнихъ этажей; когда мы читаемъ и видимъ, что двери усовершенствованныхъ больницъ и гигіеническихъ санаторій заботливо охраняются какъ разъ отъ тѣхъ страдальцевъ, которые болѣе всего чувствуютъ въ нихъ надобность, а блестящіе и привѣтливые рестораны, роскошно обставленные магазины, приманчивыя витрины кондитерскихъ и гастрономическихъ магазиновъ существуютъ для сытыхъ, а не для голодныхъ людей; когда увидимъ картины безисходнаго горя и сплош-

ныхъ страданій человѣка и нерѣдко невыносимаго безсмыслія жизни въ блестящей рамѣ культурности,—для насъ становится совершенно несомнѣнной полная несостоятельность культурнаго строительства жизни съ забвеніемъ или намѣреннымъ изгнаніемъ ея вѣчныхъ основъ, а построенный безвѣрными зодчими жизненный городъ, въ которомъ въ ряду восхитительныхъ зданій не видно храма Вѣчному Богу любви, кажется намъ тогда городомъ зачумленнымъ и обреченнымъ на долгое и мучительное вымираніе; прекрасный фаланстеръ со всѣми завоеваніями техники и культуры, который долженъ, по идейному замыслу своихъ строителей, воплотить наилучшія чаянія человѣчества, а жизнь въ немъ должна осуществить царство Божіе безъ Христа и Бога, даетъ существенныя трещины и угрожаетъ рѣшительнымъ разваломъ съ обращеніемъ его, подобно обломкамъ Силоамской башни, въ предупредительную могилу для нечуткихъ къ голосу Христовой истины его насельниковъ; Царство Божіе земное, назначенное въ замѣну царства небеснаго, обращается въ арену борьбы, давая благополучіе однимъ и увеличивая сумму страданій другихъ, причемъ мотивы состраданія и жалости, любви и братской поддержки кажутся совершенно устраненными. И не мудрено, что при этомъ несомнѣнномъ противорѣчіи дѣйствительной жизни идеаламъ утопистовъ—мечтателей; при разладѣ, который получается въ душѣ на почвѣ сравненія вѣчныхъ идеаловъ и земной реальности, горделивый умъ безвѣрнаго человѣка, въ виду шатанія стѣнъ фаланстера и непрочности основъ Вавилонской башни своихъ замысловъ не признавая, однако, возможнымъ склонить умъ въ послушаніе вѣры, готовъ подвергнуть рѣшительной переоцѣнкѣ всѣ жизненныя цѣнности и, опредѣливъ ихъ новый чеканъ и съ нимъ связанную жизненную значимость, пересмотрѣть, въ корнѣ всю жизненную программу, намѣтить новые пути жизни.

4) И человѣчество, столь жадное къ новому слову, столь внимательное къ глашатаямъ новыхъ путей, склоняетъ свой болѣзненный слухъ къ глаголамъ новыхъ откровеній, приклоняетъ свои разслабленныя долгими и трудными путями жизни колѣни къ ногамъ новыхъ знаменитыхъ учителей и вожаковъ современнаго человѣчества—Л. Толстого и Фр. Ницше. Первый изъ нихъ, справедливо стяжавшій себѣ всемірную славу великаго писателя земли русской, своими безсмертными твореніями до начала 80-ыхъ годовъ, съ этого времени обратился къ свободно-философскому пересмотру Вѣчной Книги—Св. Евангелія и, внося въ богодухновенную мысль поправки своего великаго, но человѣческаго, слишкомъ человѣческаго, ума, существенно измѣнилъ Христово Евангеліе и, поставивъ вмѣсто Христа разумѣніе жизни, построилъ „Новое евангеліе“, Живого Личнаго Бога Любви замѣнилъ отвлеченнымъ человѣчествомъ въ его духовной сущности. Правда, основнымъ закономъ нравственной дѣятельности Толстой признаетъ законъ любви [1]), но въ пониманіи этого закона онъ расходится съ богодухновеннымъ церковнымъ Евангеліемъ. По его сужденію, сущность нравственной жизни сводится къ подчиненію животной личности голосу и руководству разума. Истинно-разумная жизнь любви вѣчна. Толстой отрицаетъ и личное безсмертіе человѣка. Живя въ мірѣ и любя самоотверженною любовью, человѣкъ устанавливаетъ новое и новое отношеніе къ міру [2]). Эти новыя, устанавливаемыя человѣкомъ отношенія къ міру, жизнь развивающагося разумнаго сознанія, выносимаго человѣкомъ изъ невидимаго прошедшаго, и есть подлинная, неумирающая сущность человѣка. Умретъ тѣло, уничтожится связанное съ нимъ животное сознаніе, но не умретъ разумное сознаніе человѣка, которое, въ видѣ воспоминанія, переходитъ въ со-

---

[1]) „Въ чемъ—моя вѣра“?
[2]) „О жизни“.

знанія послѣдующихъ поколѣній. Въ другихъ людяхъ, еще не умершихъ, останется вмѣсто тебя воспоминаніе, въ которомъ сохранятся всѣ твои идеи, твои дорогія свойства; люди передадутъ твои качества еще дальнѣйшимъ поколѣніямъ, тѣ будутъ еще лучше, и такъ далѣе. Вслѣдствіе этого, твоя доля въ міровомъ прогрессѣ не останется безъ послѣдствій [1]). Въ этой продолжающейся жизни моего разумнаго сознанія въ разумныхъ сознаніяхъ другихъ людей и состоитъ истинное безсмертіе человѣка. Жизнь по закону разума, по закону любви, не только дѣлаетъ человѣка, по мнѣнію Толстого, участникомъ мірового прогресса, не только дѣлаетъ его безсмертнымъ въ воспоминаніяхъ послѣдующихъ поколѣній, но и есть единственный путь къ достиженію имъ личнаго счастія и счастія всего человѣчества. Жизнь людей по закону любви дастъ, по Толстому, картину всеобщаго счастія человѣчества, осуществитъ идеалъ прогресса. Когда будетъ побѣжденъ эгоизмъ и осуществится цѣль мірового прогресса, наступитъ предвозвѣщенное пророками время, когда всѣ люди перекуютъ мечи на орала и копья—на серпы, левъ будетъ лежать съ ягненкомъ и человѣкъ будетъ счастливъ единеніемъ съ ближними и природой. Такимъ образомъ, вѣчныя цѣнности человѣческаго духа въ ученіи Толстого переживаютъ существенную переоцѣнку: христіанскіе догматы отринуты, мораль разсматривается внѣ связи съ христіанской догматикой, нравственной личности нѣтъ, Личный Богъ отрицается, и все ученіе представляетъ смѣсь нравственныхъ задачъ и соціологическихъ мечтаній; отказываясь отъ христіанской догматики, Толстой рѣшительно вступаетъ на путь пантеистическаго міропониманія. Этотъ новый опытъ переустройства жизни, опытъ переоцѣнки и опредѣленія иного, земного назначенія жизненныхъ цѣнностей, опытъ, къ нашему утѣшенію, неудачный и въ теоретическомъ, и въ

[1]) Томъ XIII, стр. 45, 53 и др.; гл. 30.

практическомъ отношеніи [1]), имѣетъ, однако, съ нашей точки зрѣнія, важное значеніе, какъ свидѣтельство о несомнѣнномъ подъемѣ общественнаго сознанія въ сторону моральныхъ запросовъ. Въ морали Толстого, формулированной въ исходѣ XIX вѣка и вызвавшей въ свое время въ отношеніи къ себѣ живой интересъ, выражается попытка опредѣленія человѣчествомъ моральныхъ цѣнностей и несомнѣнный интересъ къ нимъ.

Величавая фигура яснополянскаго мудреца, предпочитая Божественной истинѣ Евангелія „насъ возвышающій обманъ“, своей необычной міровой популярностью толкаетъ современное человѣчество отъ вопросовъ меркантильной расчетливости и строенія сомнительныхъ фаланстеровъ матеріальнаго, по преимуществу, благополучія, на путь изученія христіанскихъ идеаловъ и закона Христовой любви, и, подобно тому, какъ ереси первыхъ вѣковъ христіанства повели за собою опредѣленіе „въ краткихъ, но точныхъ словахъ того, во что должны вѣровать христіане“, и выяснили для христіанскаго сознанія: что́ есть вѣра православная, вѣра апостольская, вѣра, вселенную всю утверждающая, такъ и морально-философскія системы и размышленія наиболѣе пытливыхъ умовъ современности, и особенно Л. Толстого, возбуждая интересъ къ изученію основъ христіанства, которыхъ общество наше

---

[1]) Мы не задаемся, по общему характеру нашей работы, подробнымъ разборомъ морально-философскаго ученія Толстого. Любознательный читатель можетъ найти по этому предмету цѣлую спеціальную литературу. Для примѣра можно отмѣтить слѣдующія книги: 1) Архим. Антоній. Бесѣды о православномъ пониманіи жизни и его превосходствѣ надъ ученіемъ Л. Толстого. 2) Его же. Нравственное ученіе въ сочиненіи Толстого „Царство Божіе внутри васъ“ предъ судомъ ученія христіанскаго. Казань, 1896 г. 3) Свящ. Елеонскій. О новомъ евангеліи гр. Толстого. Москва, 1889 г. 4) П. Е. Астафьевъ. Нравственное ученіе Л. Толстого въ его цѣломъ. 5) Сюда же слѣдуетъ причислить работы по этому предмету профес. Гусева, профес. Козлова, Н. Д. Цертелева и др.

не знаетъ, къ опредѣленію вопросовъ морали, для широкой публики весьма скучныхъ, разрыхляетъ душевную почву и подготовляетъ духовную ниву къ посѣву Евангельскаго сѣмени, и, кто знаетъ, можетъ-быть ведетъ къ торжеству церковно-христіанскаго дѣланія, лишь бы сѣятели слова Божія вышли на чреду свою „съ бодрыми лицами, съ полными добраго жита кошницами и трудъ засѣвающихъ робко крупицами двинули мощно впередъ". Война родитъ героевъ. Можетъ быть, и толстовство и съ нимъ связанныя мудрованія бунтующаго разума будутъ колоколомъ набата въ духовной жизни, ослабятъ гнетущую теплохладность душъ человѣческихъ и вызовутъ мощную мобилизацію человѣческихъ силъ въ защиту вѣчныхъ духовныхъ цѣнностей, въ огражденіе территоріи Царства Божія отъ вторженія „прелазающихъ инудѣ". И это нужно не для защиты самого Царства Божія, ибо оно не нуждается въ томъ, какъ вѣчное и непобѣдимое, котораго „врата адова не одолѣютъ", но для сохраненія нашей личной связи съ нимъ, для огражденія личныхъ правъ каждаго созидающаго спасеніе на вѣчное наслѣдіе въ осмысливающемъ наше земное странствіе и пришельствіе — вѣчномъ Царствѣ Славы, для подготовленія нашего къ слушанію тѣхъ глаголовъ третьяго неба, „ихже не лѣть есть человѣку глаголати".

Во всякомъ случаѣ богоборная мораль Л. Н. Толстого, съ отрицаніемъ Личнаго Бога, личнаго безсмертія, и проповѣдующая высшее благо въ пантеистическомъ смыслѣ, старается удержать нѣкоторые мотивы дѣятельности въ духѣ дорогихъ традицій, говоря о должной жизни въ руководствѣ любовію и сочувствующимъ состраданіемъ къ ближнимъ, въ подчиненіи животной личности голосу разума. И, хотя здѣсь смиреніе обращается въ гордость, религія лишается своей основы—догматовъ, жизнь, теряя свою премірную цѣль личнаго безсмертія, лишается своего коренного смысла,

но все-таки мораль любви и сострадания, братства и равенства предъ очами вѣчности—ближе къ нашему настроенію, чѣмъ мораль инстинктовъ и безудержнаго себялюбія, а такою, именно, и является мораль моднаго философа, пѣвца индивидуализма—*Фридриха Ницше* (1844—1900).

5) Въ ряду современныхъ писателей, разыскивающихъ новые жизненные пути, открывающихъ новыя основныя понятія о жизни, ея цѣли и смыслѣ, Ницше занимаетъ первое мѣсто по своей оригинальности, убѣжденности и энтузіазму, отражающихся въ его изслѣдованіяхъ. Помимо основного содержанія и оригинальности воззрѣній Ницше, успѣху его въ обществѣ и широкой его популярности содѣйствуютъ три особенности его, какъ писателя. Эти особенности—афоризмъ, лиризмъ и символизмъ. Свои оригинальныя мысли Ницше передаетъ въ формѣ оригинальныхъ и блестящихъ, красивыхъ *афоризмовъ*. Исключительныя обстоятельства его жизни, его хроническая болѣзненность, эти ужасающія головныя боли съ просвѣтами восхищеннаго озаренія и энтузіазма дѣлали его способнымъ къ прорицанію въ видѣ отрывочныхъ блестящихъ, изысканно-стильныхъ афоризмовъ. Форма эта неудобна для послѣдовательнаго философскаго мышленія, въ афоризмахъ трудно устанавливать систему, тѣмъ болѣе, что мышленіе Ницше направлено противъ всякихъ существующихъ системъ, но, благодаря отрывочной формѣ и блеску афоризмовъ, ученіе Ницше проникаетъ въ широкія народныя массы людей, которые сторонятся сухихъ, отвлеченныхъ и тяжелыхъ философскихъ трактатовъ: интеллигентная толпа не будетъ усидчиво изучать Канта или Гегеля, но она съ восторгомъ подхватываетъ афоризмы Ницше, какъ блестящую новинку моды умственнаго рынка, сообщающую мышленію своего владѣльца колоритъ оригинальной интеллигентности. Ницше, помимо содержанія своихъ воззрѣній, въ цѣломъ и въ основахъ, массѣ не извѣстныхъ, плѣ-

няетъ, гипнотизируетъ красотою своего стиля. Мѣткія и неожиданныя метафоры, образныя сравненія, безпощадныя и ядовитыя остроты льются съ его пера, какъ дары рога изобилія, какъ брилліанты изо рта сказочной принцессы. Отдѣльныя выраженія Ницше, подчасъ словечки, иногда съ искаженіемъ до неузнаваемости, раздаются въ обществѣ, украшаютъ литературу, какъ изреченія Крыловскихъ басенъ, какъ безсмертные афоризмы Грибоѣдовской комедіи.

Наряду съ неподражаемымъ блескомъ и оригинальностію афоризмовъ, Ницше захватываетъ интеллигентную толпу своимъ энтузіазмомъ, своею живостью, своимъ *лиризмомъ*. Не сухой, отвлеченный, утомительный нѣмецъ поучаетъ насъ, подобно Канту, на страницахъ Ницше; нѣтъ изъ устъ его мы слышимъ, читаемъ на цвѣтистыхъ страницахъ его писаній полныя чувства, захватывающаго лиризма изреченія пророка, притомъ облеченныя въ форму пророческихъ вдохновеній въ подражаніе гонимому имъ Священному Писанію. И такъ какъ энтузіазмъ, восторгъ и убѣжденная страстность способны захватывать настроеніе массы, которая, по справедливому и глубокому толкованію Тургенева въ его статьѣ „Гамлетъ и Донъ-Кихотъ“, идетъ за пророкомъ и рыцаремъ истины, потому-что онъ полонъ вѣры и обвѣянъ ея сіяніемъ, то и Ницше быстро вербуетъ адептовъ своего ученія. Отрицая религіозную и всякую иную вѣру страждущаго человѣчества, Ницше, однако, самъ не обходится безъ вѣры и съ восторгомъ и чувствомъ проповѣдуетъ свою „веселую науку“.

Третья отличительная черта писаній Ницше, также обусловливающая ихъ необычное вліяніе,—это манящій *символизмъ*, который обнаруживается прежде всего въ самыхъ заглавіяхъ его произведеній [1]). Склонный и легко увлекаю-

---

[1]) Томъ I., „Такъ говорилъ Заратустра“; II., „По ту сторону добра и зла“; т. III., „Утренняя заря“; т. IV., „Человѣческое слишкомъ человѣческое“; т. V., „Переоцѣнка всего цѣннаго“; т. VI., „Сумерки кумировъ“;

щійся въ сторону тайны и откровенія по природѣ; хотя бы и отрицающій ихъ, современный человѣкъ нервно берется за книгу Ницше уже по самому ея заманчивому и символическому заглавію, когда видитъ въ витринѣ магазина, наряду съ изданіями: „Чего хочетъ женщина“, или „Физическій міръ женщины“, и ницшеанскія символическія заглавія: „Такъ говорилъ Заратустра“, „Сумерки боговъ“, „Переоцѣнка всего цѣннаго“ и т. п. И, хотя многообѣщающее заглавіе не всегда соотвѣтствуетъ внутреннему содержанію (напр., книга объ антихристѣ), тѣмъ не менѣе самая прикровенность и оригинальность символа, дающаго нерѣдко возможность его толкованія въ смыслѣ своихъ личныхъ симпатій, влекутъ къ себѣ читателя всѣхъ ранговъ:—отрицателя и врага морали—съ надеждою найти въ Ницше себѣ союзника, глубокаго мыслителя—съ любознательностію къ новымъ путямъ переустройства нравственнаго міра, легковѣснаго quasi—мыслителя изъ уличныхъ философовъ—съ рѣшеніемъ найти нѣкоторую систему для своего разрозненнаго мышленія, героя свѣтской гостинной—съ цѣлію усвоенія интересныхъ и красочныхъ изреченій и образовъ, умѣлое примѣненіе которыхъ обезпечиваетъ ему на нѣкоторое время вниманіе свѣтской толпы, и т. п. Сужденія о Ницше могутъ быть очень разнообразны, въ зависимости отъ настроенія судящаго, отъ его симпатій и антипатій, отъ его личнаго міровоззрѣнія. По мнѣнію однихъ, Ницше—врагъ человѣка и общества, отнимающій у человѣчества его вѣковыя цѣнности; его борьба съ принципами коллективизма представляется вредною и развращающею, его идеи идутъ въ

т. VII., „Веселая наука“; т. VIII.. „Происхожденіе трагедіи или эллинизмъ и пессимизмъ“; т. IX., „Цѣнность Европейской культуры“ (посмертные афоризмы). У насъ подъ руками было Московское изданіе сочиненій Ницше Клюкина, какъ и прочія, не отличающееся, по отзывамъ авторитетныхъ людей, особыми достоинствами. Сверхъ этихъ, у Ницше есть неоконченная книга „Der Wille zur Macht“, первая глава которой названа имъ „Антихристъ“, хотя объ антихристѣ въ принятомъ смыслѣ въ ней вовсе не говорится.

разрѣзъ съ тѣмъ, что большинство самыхъ лучшихъ, самыхъ гуманныхъ умовъ считаетъ желаннымъ и самымъ лучшимъ. Другіе, наоборотъ, склонны считать Ницше пророкомъ, открывающимъ новые, радостные и широкіе горизонты для личности, подавленной и искалѣченной рутинными требованіями нашей устарѣвшей этики, а ученіе его о сверхчеловѣкѣ кажется для нихъ необычнымъ откровеніемъ. Ницше богатъ новизной, смѣлостью и рѣшительностію пріемовъ, съ которыми онъ нападаетъ на вѣковыя цѣнности человѣчества, и тѣмъ пугаетъ и отвращаетъ, но—и привлекаетъ, и очаровываетъ. Panem et circenses—подобно древне-римской, кричитъ современная культурная толпа. И, какъ бы въ отвѣтъ на эти крики, философія Ницшеанства обѣщаетъ *въ отдаленномъ будущемъ* вкусный интересный хлѣбъ,—правда не для всѣхъ,—но тѣмъ болѣе онъ возбуждаетъ аппетитъ современнаго пигмея духа, мечтающаго о сверхчеловѣчествѣ,—а *въ переживаемомъ настоящемъ* Ницше даетъ толпѣ интересное зрѣлище безжалостной расправы съ вѣчными цѣнностями, даетъ „переоцѣнку цѣнности“ и, освобождая инстинкты, отрицая долгъ, совѣсть и христіанскую мораль, тѣмъ самымъ переводитъ своихъ адептовъ въ заманчивую для нихъ область,—„по ту сторону добра и зла“. Воспроизведемъ нѣкоторыя картины этого зрѣлища, и для насъ будетъ совершенно ясной роль Ницше въ отношеніи занимающихъ насъ въ настоящей работѣ вѣковыхъ цѣнностей человѣка.

I. Ницше опредѣляетъ смыслъ всѣхъ жизненныхъ явленій съ точки зрѣнія радости, переживаемая человѣкомъ радость—единственный критерій, въ соотвѣтствіи съ которымъ могутъ быть признаваемы жизненныя цѣнности. „Нѣтъ болѣе ненужнаго спора, какъ споръ между оптимистами и пессимистами. Никто не можетъ оцѣнить, хороша или дурна жизнь. Живые не могутъ этого сдѣлать, потому—что они слишкомъ заинтересованы въ вопросѣ, мертвые—потому-что они мертвы. Я никогда не узнаю, что для меня лучше—быть или

не быть? Но разъ я живу, я хочу, чтобы эта жизнь была какъ можно напряженнѣе, роскошнѣе и жарче, какъ во мнѣ, такъ и внѣ меня. Поэтому, я скажу „да“ всему, что дѣлаетъ жизнь прекраснѣе, достойнѣе, интенсивнѣе. Если я увижу, что заблужденіе и иллюзія могутъ служить развитію жизни, то *я скажу „да“ заблужденію и иллюзіи.* Если я увижу, что инстинкты, которые современная мораль зоветъ дурными, напр., жесткость, жестокость, хитрость, дерзость, воинственность,—могутъ увеличить жизненность человѣка, то *я скажу „да“ злу и грѣху.* Если я увижу, что страданіе не меньше удовольствія содѣйствуетъ воспитанію человѣческаго рода, то *я скажу „да“ страданію.* Напротивъ, я скажу „нѣтъ“ всему, что уменьшаетъ жизненность человѣка. И, если я открою, что истина, добродѣтель, добро, словомъ,—всѣ цѣнности, уважаемыя и восхваляемыя до сихъ поръ людьми, уменьшаютъ жизненность человѣчества, *я скажу „нѣтъ“ наукѣ и нравственности.*

Это выдержка изъ сочиненія Ницше „Происхожденіе морали“ даетъ уже ключъ къ пониманію его главныхъ идей; мы заранѣе предполагаемъ, что, если временная радость жизни и нравственное безразличіе будутъ критеріемъ вѣчныхъ цѣнностей,—онѣ, съ точки зрѣнія Ницше, упадутъ въ своемъ міровомъ курсѣ.

II. Исповѣдуя радость, кстати сказать,—въ смыслѣ разгула инстинктовъ,—мѣриломъ жизненныхъ цѣнностей, Ницше отрицательно относится ко всякаго рода пессимистическимъ теоріямъ, въ число которыхъ онъ включаетъ и христіанство. Однако, по наблюденію Ницше, пессимистическое настроеніе преобладаетъ среди людей. Его Заратустра слышитъ рѣчь прорицателя: „Наступило великое уныніе среди людей. Лучшіе изъ нихъ устали отъ дѣлъ своихъ. Поистинѣ, мы слишкомъ уже утомились, чтобы умереть: теперь мы продолжаемъ жить уже въ склепахъ! И подавленный пессимизмомъ людскимъ, Заратустра сказалъ своимъ

ученикамъ: „Еще немного, и наступятъ эти долгія сумерки. Ахъ, какъ спасу я отъ нихъ свѣтъ мой“. Заратустрѣ снится сонъ, гдѣ онъ видитъ себя сторожемъ стеклянныхъ гробовъ, откуда смотритъ на него побѣжденная живнь. Ужасомъ и тоской полно сердце Заратустры, подавленное одиночествомъ и „хрипящей тишиной“. Но вотъ порывъ бури ворвался въ царство смерти, и гробъ раскололся, и изъ него раздался смѣхъ на тысячи ладовъ. Одинъ изъ учениковъ Заратустры объясняетъ ему этотъ сонъ: „Не ты ли самъ этотъ вѣтеръ, съ пронзительнымъ свистомъ распахивающій ворота въ царствѣ смерти? Новыя звѣзды и новое великолѣпіе ночи показалъ ты намъ; поистинѣ, самый смѣхъ раскинулъ ты надъ нами многоцвѣтнымъ шатромъ“.

III. Считая смѣхъ и радость самымъ необходимымъ элементомъ жизни, Ницше нападаетъ на старую мораль, виноватую, по его мнѣнію, въ пессимизмѣ человѣка. „Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ люди, человѣкъ слишкомъ мало радовался. Одно лишь это, братья мои, нашъ наслѣдственный грѣхъ“. Старая мораль пріучала человѣка къ вѣчному раздумью о своихъ грѣхахъ и отучала его отъ веселія. Только древніе греки, та блаженная страна, гдѣ они, танцуя, стыдились всякихъ одеждъ, только они умѣли жить. И Ницше восхваляетъ способность эллиновъ приходить въ „діонисское настроеніе“, т. е. въ такое настроеніе опьяненія и экстаза, когда человѣкъ теряетъ сознаніе своей индивидуальности и живетъ одною жизнью съ природой [1]). Этому настроенію человѣка Ницше противополагаетъ ненавистное ему сократовское настроеніе, ибо оно ослабляетъ инстинктъ и волю торжествомъ разума [2]).

IV. Мораль разума и долга, по мнѣнію Ницше, есть мораль стада, толпы, и она уже потеряла свой кредитъ и

---

[1]) „Происхожденіе трагедіи“.

[2]) „Помраченіе идоловъ“.

должна потерять его окончательно, въ виду послѣдствій приниженія человѣка, къ которымъ она ведетъ. Старыя цѣнности, говоритъ Ницше, обветшали. Слѣдуя ихъ завѣтамъ, человѣчество клонится къ упадку, духъ героизма потухаетъ. Съ одной стороны — умственный нигилизмъ, усталость отъ жизни и отъ страданій, съ другой—оптимизмъ и мѣщанское довольство, которые еще больше возмущаютъ Ницше. Жизненная мораль стремится къ уничтоженію зла и страданій. Но безъ борьбы и страданія жизнь замираетъ. Но во имя чего должны бороться люди? Каждый народъ, каждая эпоха имѣетъ свои понятія о добрѣ и злѣ, вытекающія изъ его потребностей, изъ особенностей его національнаго духа. Въ данный моментъ времени табличка цѣнностей приблизительно одна для всей Европы, и значащіяся на ней цѣнности, понятія о добрѣ и злѣ кажутся людямъ абсолютными. Но Ницше видитъ въ нихъ только рутину, тормозящую прогрессивное движеніе человѣчества. Цѣль этого движенія у него понимается особо. Мы привыкли понимать цѣль прогресса въ счастіи всѣхъ людей, а онъ считаетъ такое уравненіе и недостижимымъ и нежелательнымъ. „Справедливость въ томъ, что люди неравны. Люди не равны и не должны быть равными. Равнымъ—равное, неравнымъ—неравное; таковъ долженъ быть истинный принципъ справедливости. Демократическое движеніе можетъ создать только автономное стадо“. Ницше сравниваетъ соціалистовъ съ тарантулами и говоритъ, что нѣтъ яда, болѣе ядовитаго, какъ ложное и вредное ученіе о равенствѣ. Принятый людьми идеалъ будущаго кажется имъ маленькимъ и жалкимъ. Люди стремятся къ равенству и общему благу. Когда это будетъ осуществлено, то, по мнѣнію Ницше, наступитъ время „презрѣннѣйшаго человѣка, который не можетъ презирать самого себя“. Если равноправіе осуществится на землѣ, то оно создастъ „послѣдняго, самаго маленькаго человѣка“. Удовлетворенный, сытый и обезцвѣченный,

послѣдній человѣкъ безсмысленно спрашиваетъ: „Что такое любовь? Что такое творчество? Что такое тоска? Что такое звѣзда?—Такъ спрашиваетъ послѣдній человѣкъ и моргаетъ. Земля стала маленькой, и по ней скачетъ послѣдній человѣкъ, который все дѣлаетъ малымъ. Родъ его не истребимъ, какъ родъ земляной блохи; послѣдній человѣкъ живетъ дольше всѣхъ. „Мы нашли счастье“, говорятъ послѣдніе люди и моргаютъ. Они покинули страны, гдѣ имъ холодно было жить: ибо имъ нужна теплота. Они любятъ сосѣда и трутся около него, ибо нуждаются въ теплѣ. Еще они работаютъ, потому-что работа—забава. Но заботятся о томъ, чтобы эта забава ихъ не утомляла. Нѣтъ больше бѣдныхъ и богатыхъ: и то и другое слишкомъ затруднительно. Ни одного пастыря, одно только стадо! Каждый стремится къ равенству, всѣ равны: кто чувствуетъ не такъ, тотъ добровольно идетъ въ сумасшедшій домъ. „Прежде весь міръ былъ безумный“, говорятъ лучшіе и моргаютъ. Еще происходятъ ссоры, но скоро наступаетъ примиреніе—иначе это вредно желудку. У нихъ есть маленькая забава для дня и маленькая—для ночи; но они чтутъ здоровье. „Мы нашли счастье“, говорятъ послѣдніе люди и моргаютъ“ [1]). Жизнь безъ борьбы и страданія притупила въ людяхъ всѣ высшіе человѣческіе инстинкты. И Ницше съ негодующимъ презрѣніемъ говоритъ объ этихъ маленькихъ, убаюканныхъ довольствомъ людяхъ. Вокругъ нихъ—сонъ и смерть, а девизъ Ницше—жизни больше, жизни! Единственная создательница кипучей и властной жизни—воля сильная и смѣлая. Къ выработкѣ этой воли и должны быть направлены усилія каждаго. „О, если бы вы поняли мои слова,—дѣлайте все, что желаете, но будьте такими, которые умѣютъ желать“.

V. Очевидно, понятіе Ницше о порокахъ и добродѣтеляхъ совсѣмъ расходится съ обычнымъ понятіемъ о нихъ.

---

[1]) „Такъ говорилъ Заратустра“, стр. 10—11.

Заратустра ищетъ не счастья, а дѣла. И Ницше нашелъ это дѣло. „Человѣчество должно работать надъ тѣмъ, чтобы рождались геніи“,—въ этомъ призваніе человѣчества. Я учу васъ о сверхчеловѣкѣ. Человѣкъ есть нѣчто, что надлежитъ преодолѣть. Что сдѣлали вы для того, чтобы преодолѣть его? Всѣ существа до сихъ поръ создавали нѣчто, что выше ихъ, а вы хотите стать отливомъ этой великой волны и скорѣе вернуться къ звѣрямъ, чѣмъ преодолѣть человѣка. Вы прошли путь отъ червя до человѣка, и еще многое въ васъ червь. Нѣкогда вы были обезьянами, и теперь еще человѣкъ скорѣе обезьяна, чѣмъ любая изъ обезьянъ [1]). Смотрите, я—предвѣстникъ молніи и тяжелая капля изъ тучи; но эта молнія называется—„сверхчеловѣкъ“ [2]). Такимъ образомъ, въ ученіи о сверхчеловѣкѣ и о задачѣ человѣчества готовить дорогу для него у Ницше повторяется въ отношеніи къ будущему дарвиновская теорія трансформаціи. Въ эволюціи природы человѣкъ стоитъ ступенью выше обезьяны, а выше человѣка станетъ когда-нибудь сверхчеловѣкъ или, выражаясь образнымъ языкомъ Ницше, „человѣкъ есть канатъ, натянутый между животнымъ и сверхчеловѣкомъ,—это канатъ надъ пропастью“. Ницше создаетъ культъ героевъ будущаго, ради которыхъ онъ считаетъ возможнымъ и даже нужнымъ приносить въ жертву интересы современниковъ и убивать въ себѣ чувство состраданія къ ихъ горю и нуждѣ. Выше любви къ ближнему онъ ставитъ любовь къ дальнему и будущему, эта любовь выше состраданія. Онъ вообще находитъ, что состраданіе есть чувство, тормозящее прогрессъ. По его мнѣнію, только все слабое, жалкое, больное, способствующее не развитію, а упадку жизни, вызываетъ въ насъ жалость. Но только великое стра-

---

[1]) „Такъ говорилъ Заратустра“, стр. 6.
[2]) Тамъ же, стр. 9, 23—24.

данiе заставляетъ людей итти впередъ. Наша ходячая жалость, поддерживая слабыхъ, мѣшаетъ правильному подбору, а послѣдній имѣетъ исключительное значеніе въ созданіи людей высшаго типа. Ницше рѣзко нападаетъ на нашу жалость въ отношеніи къ ближнему, какъ-будто въ нынѣшнемъ обществѣ можно наблюдать перепроизводство жалости и состраданія. Совершенно произвольно трактуетъ онъ чувство состраданія только въ отношеніи къ слабымъ, ибо мы испытываемъ послѣднее въ еще болѣе сильной степени въ отношеніи къ героическимъ неудачникамъ.

VI. Большинство людей, по мнѣнію Ницше, это—стадо, ищущее отвѣтственныхъ пастуховъ, за которыми оно можетъ смѣло брести. Толпа нужна, по Ницше, для апоѳеоза сверхчеловѣка. Когда наступитъ царство сверхчеловѣка, то не значитъ, что всѣ люди преодолѣютъ человѣка. Рабство одно изъ необходимыхъ условій высокой культуры. Пусть рабство—коршунъ, терзающій сердце современнаго Прометея—культурнаго бойца. Бѣдствія прозябающихъ въ ничтожествѣ людей должны быть еще болѣе усилены, чтобы дать возможность нѣсколькимъ геніямъ Олимпа создавать высокія цѣнности. Будущій строй жизни рисуется, по Ницше, въ слѣдующемъ видѣ. Общество будетъ дѣлиться на три касты. Внизу жалкая, хотя и сытая посредственность; представители ея счастливы по своему, такъ какъ на нихъ не лежитъ никакой отвѣтственности и они могутъ жить беззаботно и безпечно. А чтобы скрашивать полуживую жизнь, имъ предоставлено право вѣрить.—Затѣмъ идетъ каста воиновъ съ королемъ. Они должны поддерживать существующій строй и передавать народу волю повелителей. А повелители эти—мудрецы, создатели цѣнностей, и только имъ доступна необычная этика сверхчеловѣковъ. Все, что способствуетъ развитію жажды власти сверхчеловѣка, слѣдуетъ признать хорошимъ. Такъ Ницше считаетъ, что только борьба и война обостря-

ютъ этотъ основной инстинктъ каждой жизнеспособной человѣческой натуры. „Вы должны любить миръ, какъ средство для новой войны. И притомъ, короткій миръ больше, чѣмъ продолжительный. Я зову васъ не на работу, а въ бой, зову васъ не на миръ, а—къ побѣдѣ. Война и мужество совершили больше великихъ дѣлъ, чѣмъ любовь къ ближнему. Не состраданіе ваше, а ваша храбрость доселѣ спасала несчастныхъ". И Ницше зоветъ въ бой противъ заблужденій, предразсудковъ и застоя мысли и жизни. Вокругъ Ницше лежатъ старыя разбитыя скрижали, а новыя лишь наполовину исписаны имъ, да притомъ письменами неяснымп, къ которымъ нужно относиться со вдумчивой осторожностью, такъ какъ страстность и способность къ какой-то обостренной философской мечтательности заводятъ на ложный путь искателя новыхъ цѣнностей. Такимъ образомъ, существенныя положенія философіи Ницше, этого пѣвца индивуализма, сводятся къ слѣдующему: 1) Жизненныя цѣнности подлежатъ переоцѣнкѣ, въ виду ихъ обветшанія, и, взамѣнъ обветшавшихъ цѣнностей, должны быть выдвинуты новыя.

2) Основаніемъ для переоцѣнки цѣнностей жизни должна быть радость на почвѣ инстинктивной удовлетворенности, такъ какъ современный пессимизмъ и жизненная неудовлетворенность зависятъ отъ морали разума съ подчиненіемъ послѣднему инстинктовъ.

3) Жизнь представляетъ круговоротъ, вѣчное міровое движеніе. Заратустра говоритъ: „Снова вернется циклъ, крупинку котораго мы составляемъ, и тогда ты найдешь тѣ же муки и радости, которыми живешь, тѣхъ же друзей и враговъ, тѣ же надежды и заботы, тѣ же впечатлѣнія и отзвуки, тотъ же порядокъ вещей". Мы, говоритъ Ницше, безконечное число разъ прожили нашу жизнь и будемъ вновь переживать ее. Познать этотъ высшій законъ жизни, принять его въ руководство безъ возмущеній, безъ ужаса, на-

противъ—съ энтузіазмомъ и радостью,—вотъ цѣль, которую указываетъ человѣчеству Заратустра. Когда оно достигнетъ ея, человѣкъ сдѣлается сверхчеловѣкомъ.

4) Равенство, свобода и братство вредны для прогресса жизни; соціализмъ, демократизмъ, аскетизмъ, христіанство, альтруизмъ и религія состраданія вредны для прогресса жизни.

5) Ученіе о сверхчеловѣкѣ противополагается ученію о толпѣ и стадѣ, которыя должны быть мыслимы, какъ почва дѣятельности сверхчеловѣка.

6) Мораль толпы для сверхчеловѣка не обязательна, напротивъ, для него обязательно нарушеніе стадной морали. Сверхчеловѣкъ перешагнетъ черезъ всѣ условія морали, выработанныя человѣчествомъ, ему—„все позволено“, онъ—„переоцѣнилъ цѣнности“, онъ—„по ту сторону добра и зла“.

7) Для блага жизни человѣкъ долженъ освободить инстинкты, жить по влеченіямъ, развивающимся въ ихъ плоскости; борьба, вражда и война — факторы формированія общества на новыхъ началахъ, соотвѣтствующихъ новымъ нравственнымъ понятіямъ.

8) Цѣль жизни толпы—созданіе сверхчеловѣка—повелителя жизни.

9) Всѣ, вмѣстѣ взятыя, основныя положенія философіи Ницше производятъ полный переворотъ въ установившихся воззрѣніяхъ человѣка, производятъ ломку установившагося строя жизни, ясно обнаруживая въ ученіи Ницше семь тенденцій:

а) *антиморалистическую*—въ полномъ ниспроверженіи морали человѣчества;

б) *антисоціалистическую*—въ смыслѣ уничтоженія равенства людей и всякихъ попытокъ его практическаго осуществленія;

в) *антидемократическую*—въ отрицаніи правъ народа, въ признаніи его стадомъ и толпой, которая нужна лишь для тріумфа сверхчеловѣка;

г) *антифеминистическую*,—такъ какъ, начертавъ на своемъ знамени: „смерть слабымъ!“, Ницше высказывается за служебную жизненную роль женщины съ отрицаніемъ всякихъ ея правъ;

д) *антиинтеллектуальную*,—поскольку главной силой, творящей жизнь, по Ницше, является не разсудокъ, а инстинктъ и „воля къ власти“;

е) *антипессимистическую*—при которой, несмотря на господство въ жизни презрѣнной, съ точки зрѣнія Ницше, морали человѣчества, онъ, предвидя торжество инстинкта и „воли къ власти“, предвидитъ появленіе сверхчеловѣка и стремится внести въ жизнь восторгъ и радость;

ж) *антирелигіозную* и, особенно, *антихристіанскую*, поскольку Ницше врагъ всякой положительной религіи, всякихъ догматовъ, и поскольку миротворный и радостный для христіанина призывъ: „Пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ“—вызываетъ у Ницше злобу и бѣшенство.

Сталкиваясь съ религіей, основывающейся на вѣрѣ въ бытіе Личнаго Бога, Ницше приходитъ къ отрицанію Бога: онъ самъ изъ тѣхъ, которые, по его выраженію, „убили Бога“ [1]). Отрадно, однако, сознавать, что это убіеніе Бога, по мнѣнію Ницше, началось слишкомъ еще рано, а, главное,—въ самомъ Ницше совершается оно съ немалой болѣзненностью и мучительными душевными переживаніями. Отрицая Бога, Ницше остается въ темнотѣ, выходомъ изъ которой является для него признаніе вселенной и ея вѣчнаго круговорота въ пантеистическомъ смыслѣ [2]). И въ этой вѣрѣ своей въ жизненный круговоротъ, въ сознаніи своей близости къ природѣ и участія своего въ ея жизни старает-

---

[1]) „Антихристъ“, стр. 164.

[2]) „Такъ говорилъ Заратустра“,—стр. 19, 48—51, 67, 73, 76—79, 81—88, 148, 163—165, 172, 176—178.

ся Ницше найти источникъ радости и смысла. Индивидуальность должна возвышаться, жизнь должна быть интенсивнѣе. Христіанство, какъ религія смиренія и братства, состраданія и любви, противно ему. Христіанство требуетъ, чтобы тотъ, кто хочетъ быть первымъ между людьми, былъ первымъ слугою всѣхъ. Но „горе, если первый господинъ будетъ и первый слуга", говоритъ Ницше; поэтому онъ энергично призываетъ разбить скрижали христіанства,—старыя скрижали благочестивыхъ, а, вмѣсто христіанской любви къ врагамъ, быть въ состояніи ненавидѣть даже друзей своихъ [1]). Разрушая христіанскія требованія морали, обезцѣнивающія, по его мнѣнію, жизнь, Ницше является въ буквальномъ смыслѣ антихристомъ. Но, становясь „по ту сторону добра и зла", Ницше отрицаетъ и гуманитарную мораль и возвращаетъ человѣка къ первобытноестественному состоянію, въ которомъ онъ—свирѣпое животное. Смыслъ существованія человѣка въ такомъ состояніи заключается въ томъ, что онъ служитъ мостомъ къ сверхчеловѣку. Сверхчеловѣки создадутъ аристократію, среди которой и будетъ царить истинная жизнь, для этой жизни нужна жестокая гибель людей маленькихъ, и пусть они гибнутъ, щадить ихъ не нужно: что падаетъ, то нужно еще толкнуть,—совѣтуетъ Ницше. Падающій страдаетъ. Но, ставъ „по ту сторону добра и зла", Ницше говоритъ, что „видѣть страданія—отрадно; причинять страданія—еще отраднѣе. Для толпы—вѣра и подчиненіе. Мораль жалости и пощады должна быть отброшена. „Всѣ творящіе безжалостны". Мораль христіанства—мораль рабовъ. Когда послѣдняя побѣждаетъ, человѣчество принижается, въ результатѣ—вырожденіе и упадокъ. Гуманность—вредна. Общее благо—безсмыслица. Демократическое движеніе есть результатъ глупости и вырожденія инстинктовъ. Всегда будутъ рабы и господа, таковъ законъ природы. Ра-

[1]) „Такъ говорилъ Заратустра",—стр. 19 48—51, 67, 73, 76—79, 81—88, 148, 163—165, 172, 176—178.

бочій вопросъ—глупость. Рабочаго сдѣлали способнымъ къ военной службѣ, дали ему возможность коалицій и политическаго голосованія; немудрено, что настоящее существованіе стало представляться ему невыносимымъ. Но рабочіе бѣдны недостаткомъ жизни. Уступка слабымъ есть глупость, а поэтому войны будутъ все болѣе и болѣе умножаться. Неравенство половъ есть законъ природы. Бракъ не можетъ быть основанъ на любви. Женщина пуста, мелочна и педантична. Все въ ней разгадывается словомъ: дѣторожденіе. Ничего нѣтъ для Ницше противнѣе, какъ вмѣшательство женщинъ въ науку, литературу и политику. „Если женщина обнаруживаетъ склонность къ наукѣ,—это почти всегда признакъ какой-нибудь ненормальности въ половомъ отношеніи. Идешь къ женщинѣ? Не забудь взять хлыстъ“ [1]). Книги Ницше полны символизма даже въ самыхъ заглавіяхъ. Не смотря на обиліе литературы о Ницше [2]), его оригинальная символика и радикальная переоцѣнка цѣнностей и переустройство жизни до настоящаго времени не исчерпаны. Стремясь къ устраненію наиболѣе ненавистнаго для него міровоззрѣнія—христіанскаго, Ницше копируетъ въ стилѣ священныя книги. Книга его—„Такъ говорилъ Заратустра“ представляетъ собою попытку подражать Библіи, она раздѣлена на главы и стихи; языкъ пророческій („Узрѣвъ народы, Заратустра удивился и рече“...), нѣкоторые отдѣлы

---

[1]) „Такъ говорилъ Заратустра“.

[2]) Напр.,: Wilhelm Wiegand, Fr. Nietsche. Ein psychologischer Versuch, München, 1895.

Alexander Tille. Von Darwin bis Nietsche. Ein Buch Entwicklungsethik. Leipzig, 1895.

D. Zoccoli. Fr. Nietsche. La filosophia religiosa,—la morale l' estetica; Modena, 1898.

Лихтенберже. Философія Ницше, перев. Невѣдомскаго, изд. О. Поповой.

Л. Штейнъ. Фр. Ницше и его философія, перев. Бердяева (Міръ Божій, 1898).

Г. Брандесъ. Ф. Ницше, перев. В. С—ской (Русская мысль, 1890).

представляютъ сколокъ съ нѣкоторыхъ мѣстъ Евангелія: „И когда Заратустра вышелъ изъ города... за нимъ послѣдовали многіе изъ учениковъ его“... „Поистинѣ говорю вамъ: скоро наступятъ длинныя сумерки“. Уча о сверхчеловѣчествѣ, онъ, конечно, воображаетъ себя учителемъ сверхчеловѣковъ: если бы существовали боги, могъ ли бы я удержаться, чтобы не быть богомъ [1]).

Отрицая мораль и старую метафизику, горделиво заявляя о полной оригинальности своей философіи, Ницше впадаетъ въ напыщенное и малообоснованное высокомѣріе. Но сила воли и индивидуализмъ проходятъ по всѣмъ философскимъ воззрѣніямъ отъ Сократа до Канта и Гегеля, какъ необходимые элементы нравственности. Отрицая науку, презирая логику, Ницше строитъ свою мораль въ значительной мѣрѣ *на двухъ положеніяхъ*: 1) что причиной всѣхъ несчастій человѣка является *стадная мораль* всѣхъ наименованій, а особенно христіанское ученіе о Царствѣ Божіемъ; 2) что освобожденный *инстинктъ* будетъ безошибочнымъ строителемъ жизни. Но оба эти положенія существенно несправедливы, потому—что 1) современная жизнь совсѣмъ не представляетъ реализаціи того, что Ницше презрительно называетъ „стадною моралью“; 2) инстинктъ, какъ проявленіе слѣпой природы, болѣе всего содѣйствуетъ стадности, и 3) инстинктъ совершенно безотчетенъ, и, въ качествѣ такового, служить руководящимъ началомъ жизненнаго строенія не можетъ.

Въ своей безумной борьбѣ противъ „морали толпы“ Ницше не различаетъ христіанскаго и соціалистическаго ученія, забывая о томъ, что господствующія нынѣ въ соціализмѣ ученіе прямо противоположны и враждебны христіанству, что они смотрятъ на христіанскую религію, какъ на

---

[1]) Слово „сверхчеловѣкъ“ придумалъ, однако, не Ницше: онъ взялъ его у Гете, а послѣдній, въ свою очередь, заимствовалъ его у Гердера.

пережитокъ минувшаго періода исторіи человѣчества; соціализмъ прямо исповѣдуетъ антихристіанскія начала, а потому понятно, что христіанскіе элементы существующей культуры требуютъ огражденія отъ посягательствъ со стороны послѣдователей соціальныхъ ученій, въ большинствѣ случаевъ воспріявшихъ эти ученіи не какъ научныя истины, а какъ догматы новой вѣры, стремящейся создать человѣку полноту матеріальнаго благополучія здѣсь, на землѣ, въ противоположность христіанству, ведущему человѣка къ вѣчному, неземному блаженству и призванному вносить въ жизнь человѣчества начала любви и справедливости [1]). И, если бы особенно ненавистная для Ницше мораль—мораль христіанская, дѣйствительно торжествовала на землѣ, и, въ зависимости отъ этого, осуществилось бы Царство Божіе,—мы увидѣли бы не приниженіе, а безмѣрное возвышеніе человѣка. Но, къ сожалѣнію, ни жизненное наблюденіе, ни исторія не даютъ намъ достаточнаго свидѣтельства о томъ, чтобы когда—нибудь въ Европѣ было такъ много состраданія и жалости, той морали рабовъ, послѣ побѣды которой явилось приниженіе жизненности и измельчаніе человѣка, что онѣ могли бы считаться главной основой реальной жизни. И, наоборотъ, не видимъ ли мы, что столь любезная для Ницше борьба между людьми, борьба всѣхъ противъ всѣхъ, не уменьшается, а растетъ, что люди, слѣдуя инстинктамъ, даютъ своею жизнью иллюстрацію для пословицы: homo homini lupus est, что культурные народы Европы болѣе всего заняты изобрѣтеніемъ орудій взаимоистребленія, господствующіе интересы сосредоточены на развитіи милитаризма, что дипломаты, дружески пожимая другъ другу руки, въ другихъ рукахъ имѣютъ кинжалы, и при дружескихъ объятіяхъ считаютъ нелишнимъ имѣть подъ блестящими мунди-

---

[1]) В. Саблеръ. О мирной борьбѣ къ соціализмомъ, СПБ. 1907, стр. 2—3.

рами непроницаемыя кольчуги, а культурныя государства стоятъ другъ противъ друга, какъ громадные ощетинившіеся ежи, съ милліонами колючихъ штыковъ, которые „стальной щетиною сверкая“, говорятъ, именно, о вѣчной готовности человѣчества къ войнѣ, и мы знаемъ, что не проходитъ ни одного года, который не угрожалъ бы кровопролитной войной въ томъ или другомъ углу земного шара. Очевидно, до торжества разслабляющихъ, съ точки зрѣнія Ницше, моральныхъ началъ еще далеко человѣку. Выдвигаемый же Ницше инстинктъ по своей безотчетности и слѣпотѣ не можетъ быть строителемъ жизни и, наоборотъ, даже его прирожденная цѣлепригодность совершенствуется подъ вліяніемъ опыта и разума [1]). Вопреки мнѣнію Ницше, будто стадная мораль породила стадный образъ жизни въ ущербъ оригинальности, которую хочетъ воскресить Ницше чрезъ освобожденіе инстинктовъ, мы можемъ видѣть, что тѣмъ меньше разумности въ жизни, чѣмъ больше инстинктивности, тѣмъ больше и стадности. Чѣмъ болѣе общество живетъ инстинктами,

---

[1]) Это утверждаютъ Ламаркъ, Дарвинъ и др. У домашнихъ животныхъ другіе инстинкты, чѣмъ у дикихъ. Прирученные гуси, куры и утки не вьютъ гнѣздъ, не летаютъ и не странствуютъ. Ловить насѣкомыхъ и вить гнѣзда птицы учатся, одного инстинкта, оказывается, недостаточно Умныя животныя защищаются искуснѣе глупыхъ, но, при частыхъ преслѣдованіяхъ, и глупыя дѣлаются умными. Это знаетъ всякій охотникъ. Одинъ инстинктъ не можетъ спасти отъ опасности и гибели. Громадныя допотопныя животныя имѣли такіе органы для своей защиты и для добыванія и размельчанія пищи, что ихъ гибель отъ голода и враговъ казалась невозможной, и, однако, они погибли. На Галапагосскихъ островахъ птицы садились на ружейныя дула спутниковъ Дарвина: инстинктъ не указалъ имъ опасности такого рода дѣйствій. Можно говорить о значеніи инстинкта въ связи съ другими факторами человѣческой природы, но защищать инстинктъ, въ противовѣсъ разсудку и разуму, значитъ—быть глашатаемъ на все отважнаго невѣжества, значитъ—защищать то, что, при недостаточной разумности и нравственной неразвитости, ведетъ къ пониженію, а не къ возвышенію человѣческой природы. Раскрѣпощая и освобождая инстинкты, мы принижаемъ человѣка и прикрѣпляемъ его къ уровню животнаго міра, забывая, что онъ „умаленъ малымъ чимъ отъ ангелъ“.

чѣмъ оно некультурнѣе, чѣмъ оно ближе къ природѣ, тѣмъ оно однообразнѣе и неоригинальнѣе [1]). И поклонникъ Ницшеанства едва ли можетъ сказать, что оригинальными сверхчеловѣками отличались времена дикости и варварства, и, наоборотъ, онъ не можетъ отрицать, что цивилизація и культура связаны съ проявленіями оригинальнаго и самобытнаго человѣческаго генія. Съ другой стороны, именуемая Ницше стадностью общественность никоимъ образомъ не должна встрѣчать только отрицательную оцѣнку, какъ необходимое средство для развитія и сохраненія индивидуума [2]). Всего болѣе рѣзкими являются нападки Ницше на религію и христіанство; Богъ, по его мнѣнію, является созданіемъ человѣческаго воображенія, выдумкой поэтовъ. Но это утвержденіе Ницше само является выдумкой. Мы имѣемъ много основаній къ признанію бытія личнаго Бога. Конечно, для Ницше, съ его отрицательными тенденціями, не имѣютъ никакого значенія извѣстныя доказательства бытія Божія,—онтологическое, космологическое, телеологическое, нравственное и др. Но свидѣтельство нашего самосознанія о Богѣ, какъ реальномъ, личномъ и безусловномъ бытіи, не можетъ быть съ достаточной убѣдительностью опровергнуто, и не потому только, что это самосознаніе, въ формѣ живой и дѣятельной вѣры, заставляло человѣка итти на костры и муки, но и потому, что самая страстность Ницше въ нападкахъ на христіанство

---

[1]) Отличительныя черты инстинктивныхъ дѣйствій, именно, въ томъ и заключаются, что они стадны, лишены всякой индивидуальности и оригинальности. Устройство кокона шелковичнымъ червемъ, перелеты птицъ, зимовка лягушки или медвѣдя, дѣйствія раздраженной пчелы,—все это признаки индивидуумовъ, какъ представителей стада и цѣлаго рода. Представители племенъ, кастъ и общинъ, далекихъ отъ культуры и науки, не даютъ намъ современнаго разнообразія личныхъ характеровъ.

[2]) Стадныя животныя одолѣваютъ одинокихъ хищниковъ, хищники погибаютъ отъ недостатка кротости. Пастухи, охотники и рыболовы, готовые истреблять другъ друга, побѣждаются мирнымъ и кроткимъ земледѣльцемъ. Воинственный Вольга Всеславьевичъ долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ Микулой Селяниновичемъ.

и мораль говоритъ о борьбѣ его со своей природой по вопросу о религіозномъ самосознаніи, а его проповѣдь сверхчеловѣчества имѣетъ въ своей скрытой основѣ все то же тяготѣніе человѣчества къ міру безусловности [1]).

Ученіе Ницше имѣетъ очень широкое распространеніе въ широкихъ интеллигентныхъ и полуинтеллигентныхъ кругахъ. Въ чемъ причина этого?—Если такое отвлеченное ученіе, какъ умозрительная философія Гегеля, какъ стройное міровоззрѣніе Канта, требуютъ для пониманія и усвоенія ихъ извѣстной подготовки, напряженія мысли, которыя не не всякому посильны, то произведенія Ницше, его афоризмы и символы, такого напряженія не требуютъ: бери—что хочешь, понимай—какъ знаешь. Афоризмы, аллегоріи, символы и парадоксы Ницше привлекательны весьма для умственныхъ недорослей. Невѣжды, остряки, свѣтскіе люди, герои гостинныхъ и бульваровъ въ восторгѣ отъ философіи Ницше: наука, ранѣе обязательная и почтенная, объявлена банкротомъ; наоборотъ, невѣжество, котораго раньше нужно было стыдиться, стало чуть не достоинствомъ, при которомъ можно было открыто признаться въ своемъ равнодушіи къ наукѣ и презрѣніи къ морали. Умственная низменность, моральное босячество, нравственная разнузданность и духовная неопрятность охотно встали подъ знамя „переоцѣнки цѣнностей“. Симпатія къ дикимъ удовольствіямъ, беззастѣнчивый эгоизмъ, откровенная животность получили авторитетную санкцію со стороны философа подъ девизомъ: „дорогу инстинктамъ“. Самодовольная буржуазія восприняла ницшеанское презрѣніе къ толпѣ, эксцентричные люди толпы восприняли проповѣдь сверхчеловѣчества и всеоправдывающихъ радостей жизни

---

[1]) Не имѣя задачей спеціальное опроверженіе антирелигіозной тенденціи Ницше, можемъ отмѣтить, однако, какъ полезныя для этой цѣли книги: профес. А. И. Введенскаго.—„Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія“ и „Религія, какъ фактъ“ и профес. В. И. Несмѣлова—„Наука о человѣкѣ“, Казань, 1898 г., стр. 224—238.

какъ бы онѣ не понимались. Въ новую доктрину не нужно вдумываться: философія Ницше, съ житейской точки зрѣнія, вдумчивости не требуетъ, ея отдѣльныя изреченія поражаютъ своею силой и яркостью, ея афоризмы—звучатъ откровеніемъ, а зайти „по ту сторону добра и зла", зайти откровенно, безъ покрова, безъ лицемѣрія, безъ стѣсненія, пожить инстинктами—такъ соблазнительно для культурной толпы, которая и безъ того не знаетъ основъ христіанской морали и во всякомъ случаѣ, смотритъ на нихъ, какъ на непріятную, надоѣдливую и скучную тенденцію, лишающую жизнь красочности и радостей. Все пошло наоборотъ: добро есть зло, истина есть ложь, нравственность безнравственна; все, признаваемое традиціонной моралью за хорошее,—дурно, а признанное дурнымъ—хорошо; не нужно состраданія и жалости, не нужно любить другъ друга, а, главное, разъ нѣтъ христіанской морали, нѣтъ этическихъ началъ вообще,—то „все позволено", и этотъ призывъ, какъ кличъ разбойника—ушкуйника, какъ ошеломляющій крикъ обнаглѣвшаго экспропріатора, заставляетъ культурную толпу сдавать безропотно свои духовныя цѣнности неумолимымъ сверхчеловѣкамъ, и, какъ въ исторіи духовнаго паденія великаго Апостола, въ увлеченіи сверхчеловѣчествомъ богохульно говорить о Богочеловѣкѣ—„не вѣмъ Человѣка"!

Мы прослѣдили въ философскихъ извѣстіяхъ умственнаго рынка интеллигентнаго человѣчества положеніе вѣчныхъ цѣнностей человѣческой духовной жизни,—и тиражная таблица, весьма содержательная и интересная, излагающая исторію колебаній биржевого курса, свидѣтельствуетъ, что съ нашими дорогими цѣнностями не все обстоитъ благополучно, что курсъ ихъ падаетъ въ нѣкоторыхъ средахъ до угрожающихъ предѣловъ, а иногда доходитъ до полной утраты спроса на нихъ, вызывающаго въ сознаніи владѣльцевъ тревожный вопросъ о томъ, какъ дальше быть съ вѣковыми цѣнностями,—продолжать ли самоотверженную вѣрность имъ, обра-

щая свою личную жизнь въ голгофу идейныхъ страданій, посреди разбойниковъ, вынося обидныя хулы и укоризненныя покачиванія головами со стороны толпы со скептическимъ выраженіемъ и выжиданіемъ, спасутъ ли насъ наши цѣнности, повысится ли ихъ жизненный курсъ, или, быть можетъ,—отказаться отъ нихъ въ угоду новыхъ кумировъ, произвести, вмѣстѣ съ искушающимъ духомъ времени, переоцѣнку цѣнностей, съ рѣшительнымъ въ концѣ всего заявленіемъ: „Не вѣмъ Человѣка"!

Мы оживили въ своемъ сознаніи пути свободной человѣческой мысли въ строеніи жизненнаго зданія, и вѣчныя цѣнности человѣческой жизни прошли предъ нами въ опредѣленіяхъ бунтующаго человѣческаго духа. Въ конечномъ результатѣ своихъ экскурсій мы приходимъ въ данной области къ выводамъ, мало утѣшающимъ, но не безотраднымъ. Развѣтвленія человѣческой мысли, освободившейся отъ водительства вѣры, даютъ цѣлый планъ строенія жизни внѣ вѣры и благодати, независимо отъ религіи и Церкви; съ отказомъ отъ вѣчныхъ догмъ—Бога, безсмертія и духовности души, долга и совѣсти; безконечнаго подвига совершенствованія, знаменуя попытку горделивой мысли проникнуть въ надземную и вѣчную высь съ органами пресмыканія и тлѣнія, взглянуть на поразительный блескъ Вѣчнаго Солнца глазами крота и рыбы. Немудрено, что при этихъ условіяхъ, вѣчныя цѣнности человѣческой жизни въ опредѣленіяхъ бунтующаго человѣческаго духа, съ точки зрѣнія послѣдняго, явились не въ ореолѣ своей незыблемой абсолютности, имъ принадлежащей, а въ затѣненіи земной относительности и временной условности, приводя духъ человѣческій къ банкротству въ его самохотныхъ стремленіяхъ, какъ въ матеріализмѣ, къ прикровенности и самообману, какъ въ позитивизмѣ и связанныхъ съ нимъ теоріяхъ, или къ потерѣ устойчивости и удовлетворенности духа, какъ въ толстовствѣ, или, наконецъ, къ полному разгрому всего духовнаго фонда, какъ у Ницше.

Обозрѣвая пройденный путь, мы въ конечномъ выводѣ имѣемъ два слѣдующіе основные тезиса:

1) Человѣческая жизнь, въ условіяхъ земной временности, не удовлетворяетъ томящагося духа человѣческаго и поступируетъ къ пересмотру ея основъ, съ опредѣленіемъ причинъ человѣческой неудовлетворенности и средствъ къ ея устраненію.

2) Въ удовлетвореніе разнообразныхъ запросовъ мятущейся человѣческой жизни, горделивый духъ человѣка начинаетъ искать новыхъ, жизненныхъ путей, приступаетъ къ новому строительству жизни на началахъ антихристіанскихъ и приходитъ къ жизненному распутію, на которомъ—въ одной сторонѣ виднѣется приготовленный могильный склепъ, предрекающій смерть всѣхъ лучшихъ чаяній человѣчества при отказѣ отъ вѣры и вѣчныхъ цѣнностей, а на другой дорогѣ—стоитъ сіяющій крестъ—знамя возрождающаго, искупительнаго страданія, а за нимъ—царство Божіей славы съ немеркнущимъ блескомъ вѣковѣчныхъ цѣнностей духа и съ безконечной ихъ познаваемостію въ удовлетвореніе духовной жажды человѣка. Пойдемъ ли мы къ могильному склепу, въ которомъ погребемъ всѣ дорогія цѣнности, и въ этой новой мрачной странѣ будемъ строить жизнь безъ вѣры въ Бога и идеалъ, въ безсмертіе и долгъ, въ служеніи инстинктамъ?—Да не будетъ! Или на нашемъ жизненномъ знамени водрузимъ крестъ, какъ единеніе и символъ, концентрирующій всѣ наши жизненныя цѣнности, освѣщающій намъ не только земные, но и надземные пути и дающій ключъ къ разгадкѣ жизненныхъ тайнъ? Буди!.. Буди! Наука мало пролила свѣта на законы страданій, мы можемъ облегчить ихъ только сознаніемъ или вѣрой въ идеальный порядокъ міра и молитвою къ Всевышнему. Вѣра въ нравственный идеалъ есть подлинная наша освободительница и спасительница, потому-что она внушаетъ любовь. Въ любви—высшая сила, которая облегчаетъ всѣ наши дѣйствія: она внушаетъ намъ осуществлять добро.

И тогда предъ нами открываются свѣтлые горизонты нашего существованія, и мы находимъ счастіе, потому-что вѣримъ въ Бога, Владыку міра и нравственнаго закона [1]). Вѣра въ науку и въ силы человѣческаго ума не можетъ замѣнить и отстранить вѣру религіозную и вѣщій смыслъ идейной интуиціи въ дѣлѣ познанія. Рѣшеніе основныхъ жизненныхъ вопросовъ не должно быть выполняемо работой одного лишь анализирующаго разсудка, къ нему должны быть привлекаемы и другія стороны человѣческаго духа въ ихъ жизненномъ выраженіи.

Выступая противъ выше-отмѣченнаго теченія жизни и въ защиту вѣчныхъ идеаловъ разума, всѣхъ вѣковыхъ цѣнностей подлинно-живого человѣческаго духа, мы видимъ ясную возможность раскрытія вопроса о цѣнностяхъ человѣческой жизни въ четырехъ направленіяхъ: 1) при свѣтѣ слова Божія, 2) въ разумѣ и пониманіи св. Отцовъ и учителей Церкви, 3) въ обоснованіи философствующаго духа тѣхъ мыслителей, которые, подобно Канту, Ульрици, В. Д. Кудряцеву, Ѳ. А. Голубинскому и др., развивъ разумъ свой до высокой мощи, не утратили сокровищъ вѣры, и 4) въ отраженіи жизненно-идеальныхъ порывовъ человѣческаго духа въ жизненномъ зеркалѣ—русской поэзіи. Изъ отмѣченныхъ четырехъ направленій въ рѣшеніи поставленнаго вопроса мы въ настоящемъ случаѣ избираемъ четвертое. Мы оставляемъ безъ подробнаго изложенія глаголы вѣчной жизни по вопросу о цѣнностяхъ духа, мы не раскрываемъ въ данномъ случаѣ выводы разума св. Отцовъ и учителей церкви потому, что аргументы въ защиту цѣнностей духа изъ указанныхъ областей хорошо извѣстны и органически близки настроенію человѣка вѣрующаго. Его духовный взоръ, въ минуты просвѣтленія, созерцаетъ Единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и

---

[1]) В. Шарбоннель. Идеалъ и характеръ, перев. съ франц., СПБ. 1900 г., стр. 18—19.

земли, видимаго всего и невидимаго, онъ благоговѣйно переживаетъ искупительный подвигъ Христа Спасителя, пріобщается дарамъ Святаго Духа, находится въ неразрывномъ общеніи съ Единою, Святою, Соборною и Апостольскою Церковью, въ чаяніи воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Человѣку вѣры понятнымъ и вожделѣннымъ является христіанскій идеалъ стремленія къ совершенствамъ Отца Небеснаго [1]), при осуществленіи котораго цѣнность земныхъ благъ существенно измѣняется, ибо нужно искать больше всего Царства Божія и правды его [2]), и въ мѣрѣ осуществленія этихъ исканій земныя блага приложатся въ достаточной степени. Духовная жизнь человѣка вѣры чужда гибельнаго раздвоенія, въ памятованіи, что нельзя одновременно служить Богу Любви и Мамонѣ себялюбія [3]), пристрастіе къ землѣ, гдѣ похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская [4]) отдаляютъ отъ небесныхъ обителей, и другъ міра становится врагомъ Божіимъ [5]). Нужно собирать себѣ нетлѣнныя сокровища, которыхъ моль и ржавчина не истребляютъ и воры не крадутъ, и близъ этихъ сокровищъ держать свое сердце [6]). Въ слѣдованіи Христовымъ путемъ къ царству не отъ міра сего [7]), вѣрующій идетъ скорбнымъ путемъ жизни [8]) и, неся на раменахъ духа посланный ему крестъ, идетъ во слѣдъ Христа [9]), а земныя блага вѣрующему доступны, но подъ условіемъ сохраненія свободы духа въ пользованіи ими [10]). Эти глаголы вѣчной жизни были въ совершенствѣ усвоены подвижниками вѣры и спасенія—Отцами и учителями Цер-

---

[1]) Мѳ. гл. V, ст. 48.
[2]) Мѳ. гл. VI, ст. 33; Лк. гл. XII, ст. 31.
[3]) Мѳ. гл. VI, ст. 24; Лк. гл. XVI, ст. 13.
[4]) 1 Посл. Іоан. гл. II, ст. 15—16.
[5]) Ап. Іак., гл. IV, ст. 2; 2 Кор. гл. VII, ст. 10.
[6]) Мѳ. гл. VI, ст. 19—21.
[7]) Іоан. гл. XVIII, ст. 36.
[8]) Лк. гл. XVI, ст. 16.
[9]) Мѳ. гл. XVI, ст. 24.
[10]) 1 Коринѳ. гл. VI, ст. 12.

кви, древними трудниками—аскетами, созидателями спасенія человѣческаго на началахъ Божіей вѣры. Они смотрѣли на жизнь земную, какъ на путешествіе отъ села въ село отъ города въ городъ. Житіе наше, по ихъ взгляду, путь есть, по которому непрестанно идемъ. Спимъ ли или бодрствуемъ, всегда путемъ симъ идемъ. На путь восходимъ, когда рождаемся; оканчиваемъ его, когда умираемъ [1]). Тѣ же возвышенные завѣты звучатъ въ проникновенныхъ наставленіяхъ старца Амвросія Оптинскаго и о. Іоанна Кронштадтскаго, въ книгѣ котораго „Моя жизнь во Христѣ“ изображенъ въ доступной формѣ путь спасенія и собиранія вѣчныхъ сокровищъ отъ міра временнаго. Всѣ глаголы Слова Божія, богомудрыя наставленія учителей человѣческаго спасенія въ древнее и новое время вѣщаютъ христіанскому сердцу о вѣчныхъ цѣнностяхъ жизни, которыми человѣкъ созидаетъ себѣ вѣчные кровы, но эти глаголы мало доступны душѣ врага ихъ и искателя самочинныхъ новыхъ путей жизни, ибо душевенъ человѣкъ не пріемлетъ яже отъ Духа Божія. Для людей, измышляющихъ новое Евангеліе и переоцѣнивающихъ цѣнности, глаголы вѣчной жизни—звукъ пустой, занѣ духовнѣ востязуются. Для отрицателей вѣры, долга, безсмертія и души безполезны аргументы даже и христіанской философіи, ибо все, что не исходитъ отъ эволюціонныхъ теорій и Канта, для нихъ не имѣетъ значенія, а философія теизма, съ ихъ точки зрѣнія, не есть подлинная философія. Что касается широкихъ общественныхъ круговъ, не особенно враждебныхъ къ моральному міровоззрѣнію, но и далекихъ отъ глубокаго изученія философскихъ теорій,—а такихъ большинство,—то для нихъ литература замѣняетъ философію, и поэзія—для нихъ откровеніе жизненной правды

---

[1]) Св. Тихонъ Задонскій. Сокровище духовное, отъ міра собираемое. СПБ., 1893, стр. 84.—О созиданіи спасенія по ученію аскетовъ древней Церкви можно читать въ нашей книгѣ „Психологія грѣха и добродѣтели“, Вологда, 1895 г.

въ изящной и привычной формѣ. Вотъ почему мы полагаемъ, что, по требованіямъ современности, по духу времени, защита и раскрытіе нашихъ духовныхъ цѣнностей, сверхъ уясненія ихъ на началахъ слова Божія и церковнаго преданія, методомъ философскимъ, должны быть поставлены въ тѣсную связь съ изученіемъ литературы, И мы намѣрены въ дальнѣйшемъ отмѣтить примѣры изъ русской литературы, раскрывающіе намъ, чѣмъ жива русская душа, подтверждающіе, что на всемъ длительномъ пути нашей прекрасной литературы, нашей славы и нашего духовнаго богатства, наиболѣе чуткій къ біенію пульса народной души и зоркій въ отношеніи идеальнаго міра, русскій писатель далъ ясныя картины вѣрности русскаго человѣка искони, естественно и откровеніемъ поставленной цѣли бытія, непрерывнаго сохраненія вѣковыхъ духовныхъ цѣнностей и строенія своей жизни на началахъ вѣры въ Бога, совѣсти и долга, безсмертія и вѣчности, непрерывнаго совершенствованія и дѣятельной любви. Обозрѣвая духовнымъ взоромъ отдаленное прошлое доисторической жизни русскаго народа и отраженіе идеаловъ того времени въ устной поэзіи нашихъ предковъ, обращая вниманіе на развитіе литературы отъ ея зарожденія въ XI в. и до переживаемаго XX вѣка, мы, къ утѣшенію нашему, находимъ, что во всѣ времена было кому въ русской литературѣ и жизни нести крестное знамя вѣры и безсмертія и тѣмъ питать алчущія души. Общимъ строемъ своимъ русская литература убѣждаетъ насъ, что на нашей бренной землѣ не все суетно, не все тлѣнно; преходящее есть только завѣса, за которой живетъ вѣчно пребывающее, видимый символъ есть переходъ къ невидимому; надъ этимъ реальнымъ міромъ стоитъ идеальный; онъ вѣчно пребываетъ и не проходитъ. Въ близости своей къ міру идеальному, въ хранимыхъ душою идеалахъ люди получаютъ вѣчную юность, даже тогда, когда блекнетъ и разрушается тѣло. Существуетъ

много рано состарившихся юношей, потому-что быстро старитъ человѣка жизнь чувствъ и внѣшности; но существуетъ также много юношески—свѣжихъ стариковъ, потому-что въ своихъ идеалахъ они носятъ возрождающій ихъ элементъ, обновляющій ихъ юность яко орлю.

Русская словесность никогда не была чуждой мотивовъ религіозно-нравственныхъ, даже русскіе писатели—раціоналисты, Тургеневъ и Л. Толстой, являясь великими художниками слова въ изображеніи жизни, всегда и охотно сохраняютъ вѣрность въ отношеніи указанныхъ мотивовъ. И прежде всего, вся устно-народная доисторическая словесность общимъ составомъ своимъ свидѣтельствуетъ о томъ, что мотивы религіозной вѣры, совѣсти и долга, безсмертія и любви близки настроенію русскаго человѣка. Поглощенный всѣмъ своимъ существомъ могучими вліяніями природы, стоя въ зависимости отъ нея, создавъ своеобразный культъ матери-природы, древне-русскій человѣкъ—и свое горе и радость, и свой бытъ, и свои хозяйственныя дѣла, и отношенія къ семьѣ, и отношенія къ другимъ людямъ мотивируетъ велѣніями божественной силы въ томъ ихъ пониманіи, какое было доступно чадамъ природы по степени ихъ духовнаго развитія. Въ обрядовыхъ и бытовыхъ пѣсняхъ народа звучитъ мотивъ религіозно-нравственный; тамъ земной міръ не есть исключительно доступная человѣку сфера бытія, и самая смерть—переходъ въ новую страну съ вѣчною жизнью, при которой умершій для земной жизни человѣкъ остается, однако, въ общеніи со своими земными родичами (похоронныя пѣсни, свадебныя пѣсни). Въ заговорахъ своихъ человѣкъ живетъ увѣренностью склонить Божество къ содѣйствію его дѣлямъ, въ легендахъ и апокрифахъ стремится угадать и раскрыть тайны нравственнаго міропорядка и загробнаго существованія, въ сказкахъ рѣшаетъ моральныя проблемы. Героическій эпосъ, рисуя идеалы народа, на первомъ планѣ

ставитъ религію и вѣру, долгъ въ отношеніи къ родинѣ и князю, служеніе не за страхъ, а за совѣсть общему дѣлу, любовно-кроткое отношеніе ко всякому человѣку, исповѣданіе святыни, безкорыстіе и любовь къ ближнему [1]), постоянную готовность „помолиться чудотворцамъ Кіевскимъ, заложиться за князя Володиміра, послужить ему вѣрой-правдою, постоять за вѣру христіанскую". Въ минуты критическихъ затрудненій и смертельной опасности древне-русскій человѣкъ вспоминаетъ завѣты отеческіе и предреченія своей судьбы въ томъ видѣ, какъ „удумано было у святыхъ отцовъ, написано было у апостоловъ", а въ случаяхъ отклоненія отъ преданій отеческихъ, временнаго забвенія о должномъ-вѣчномъ, древне-русскій человѣкъ испытываетъ потребность покаянія и, особенно, въ св. мѣстахъ искупительнаго земнаго подвига Христа—Спасителя [2]). Тоже покаянное настроеніе особо цѣнится древне-русскимъ человѣкомъ въ историческомъ эпосѣ, гдѣ, напр., жестокій человѣкъ получаетъ симпатіи народнаго сознанія глубиною своего покаяннаго порыва [3]), а особое проявленіе готовности и рѣшимости отдать жизнь за вѣру вызываетъ въ народномъ сознаніи особенный восторгъ и благоговѣніе [4]). Въ такомъ тонѣ религіозно-нравственнаго настроенія, въ прочномъ, вѣками сложившемся, религіозномъ укладѣ, встрѣчаетъ древне-русскій человѣкъ новую эру своей духовной умственной жизни—начало письменности. Къ вѣковому укладу религіозно-нравственнаго настроенія древне-русскаго человѣка пришла въ концѣ X вѣка христіанской эры письменность тоже религіознаго строя, пришла въ связи съ перемѣной религіозной вѣры.

Первый періодъ исторіи русской словесности византійскаго уклада (XI, XII и первая четверть XIII в. в.) даетъ

[1]) Особенно—былины объ Ильѣ Муромцѣ.
[2]) Былины о Василіи Буслаевичѣ.
[3]) Историч. пѣсня объ Іоаннѣ Грозномъ.
[4]) Духовный стихъ о Егоріи храбромъ.

намъ въ своихъ памятникахъ обильный матеріалъ для характеристики настроенія древне-русскаго человѣка, рисуетъ намъ трогательную симфонію идеаловъ Византіи съ поэтически-религіозными и нравственными симпатіями древней Руси. Византійское міровоззрѣніе и выразительница его письменность въ духѣ церковности и преданій отеческихъ нашли себѣ плодотворную почву въ условіяхъ воспріятія, симпатіяхъ, укладѣ жизни русскаго народа. Памятники Византійской словесности—Хроники, Пчелы, Палеи, Хронографы, Златоструи и проч. составили, вмѣстѣ съ богослужебными и священными книгами, очень опредѣленный кругъ чтенія древне-русскаго человѣка. Воспитавшись на этомъ чтеніи, въ связи съ наслѣдіемъ доисторической старины, древнерусскій писатель перваго періода явился выразителемъ религіозно-нравственнаго христіанскаго міровоззрѣнія. Онъ давалъ просто, проникновенно и прочувствованно наставленія доброй жизни съ памятованіемъ Бога и вѣчности, выяснялъ необходимость и смыслъ религіозно-нравственныхъ подвиговъ, призывалъ къ молитвѣ, покаянію и добрымъ дѣламъ, рисовалъ идеалъ подвижнической жизни, дѣятельнаго добра, съ обязательностью слѣдованія этому идеалу для князя и отрока. Русскій человѣкъ перваго періода шелъ по жизненной дорогѣ со взоромъ, обращеннымъ въ отдаленное, но желанное небо, съ молитвою на устахъ, съ горѣніемъ сердца, твердя „Господи помилуй!“ и боясь мыслить, а не только что дѣлать, „безлѣпицю“[1]). Его восторгаетъ премудрость и благость Божія въ судьбахъ міра и человѣка, величіе Божества, красота мірозданія, свидѣтельствующая о премудрости Міродержца и Промыслителя; въ непоколебимомъ упованіи на милость Божію, онъ живетъ съ памятованіемъ часа смертнаго: „Смертни есмы, днесь живи, а заутра во гробѣ“, и

[1]) Поученія Луки Жидяты, препод. Ѳеодосія Печерскаго, Кирилла Туровскаго и, особенно, „Поученіе князя Вл. Мономаха“.

Божьяго Промысла: „Божіе блюденье лѣпше есть человѣческаго". Взоръ древне-русскаго писателя затуманивается, помрачается проявленіями эгоизма, забвеніемъ о родинѣ, но и въ этомъ случаѣ, „Богъ путь кажетъ" въ страну свободы изъ плѣна и заблужденія, вызывая въ человѣкѣ благоговѣйную признательность [1]). Съ точки зрѣнія древне-русскаго писателя, въ мірѣ идетъ борьба между добромъ и зломъ, надъ жизнью міра господствуетъ воля Божія, ей противоборствуетъ могучая же сила діавола, а человѣкъ является полемъ, ареной этой борьбы, и, когда человѣкъ идетъ по пути правды и добра, то это—„вложи Богъ мысль добру", и, когда увлекается въ противоположную сторону, то это—„вложи діаволъ мысль злу". Религіозное настроеніе проникаетъ весь разсказъ древне-русскаго лѣтописца; всѣ дѣла церковныя и гражданскія, историческія, какъ нашествіе враговъ, моръ, пожаръ, смерть и рожденіе князей, затменіе солнца, появленіе кометы и землетрясенія– все разсматривается лѣтописцемъ, какъ выраженіе милости или гнѣва Божія за грѣхи, или какъ знаменіе, вразумляющее человѣка. Любимое чтеніе древне-русскаго человѣка—житія святыхъ даютъ ему не только наставленія, но и высокіе образцы подражанія въ слѣдованіи вѣчнымъ идеаламъ. Конечно, далеко не всѣ, а сравнительно немногіе постигли красоту и глубину христіанской поэзіи, но самая возможность этого постиженія уже предрекала дальнѣйшій успѣхъ. Если народно-устная поэзія отражаетъ взгляды народа, въ смыслѣ простонародія, то литература древняя и новая является показателемъ идеаловъ и жизни интеллигенціи – того высшаго слоя русскаго общества, который при Владимирѣ святомъ оказался въ состояніи принять христіанство и культуру, который при Петрѣ В. уловилъ вліянія западно-европейской мысли черезъ окно въ Европу, при Императрицѣ Екатеринѣ II всецѣло подчинился

[1]) Слово о полку Игоревѣ

нмъ и, наконецъ, въ XIX вѣкѣ вступилъ на міровой пьедесталъ, являясь выразителемъ русской національной души и не чуждаясь интересовъ общечеловѣческихъ. Писатели—счастливые представители своего народа, въ ихъ сердцахъ собираются горести и радости народа, въ ихъ умахъ сконцентрированы мысли милліоновъ умовъ. Вотъ почему по произведеніямъ писателей, по ихъ идеаламъ, можно судить объ идеалахъ и чаяніяхъ стоящаго за ними народа. И въ отношеніи къ интересующему насъ вопросу, первый періодъ исторіи русской литературы является, въ лицѣ своихъ представителей—писателей этого времени, яснымъ показателемъ того незыблемаго положенія духовныхъ цѣнностей въ настроеніи русскаго человѣка, которое, охраняясь вѣками и переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, въ преддверіи XX вѣка сдѣлало Русь святую, въ лицѣ ея лучшихъ писателей—Тургенева, Л. Толстого и Достоевскаго, провозвѣстницей міру того новаго слова, которое, идя въ разрѣзъ съ мірскими вліяніями и поисками западно-европейскихъ сосѣдей, является, однако, единственнымъ средствомъ для возстановленія цѣнности жизни чрезъ признаніе ея вѣчныхъ цѣнностей—душевныхъ.

Въ ряду писателей XIII—XV вв., въ этотъ періодъ упадка литературы подъ вліяніемъ упадка же и особо затруднительныхъ условій общегосударственной жизни, въ зависимости отъ татарскаго ига, мы видимъ, однако, охранителей вѣры религіозной, вѣры въ безсмертіе, въ лицѣ пастырей Церкви, пробуждающихъ совѣсть народную и призывающихъ свою паству къ покаянію въ грѣхахъ и исправленію жизни. Таковы, напр., поученія Серапіона Владимірскаго и св. Митрополитовъ—Петра и Алексія. „Домострой“ рисуетъ намъ идеалы русской жизни XVI в.; при критическомъ отношеніи къ этимъ идеаламъ, мы, конечно, не найдемъ въ нихъ духовной созерцательности и восторженности, нерѣдкой въ первомъ періодѣ, которыя старается оживить

своимъ капитальнымъ трудомъ митрополитъ Макарій, но и здѣсь, въ ряду преобладанія земныхъ житейскихъ заботъ, ярко выдѣляются идеалы праведнаго житія въ духѣ поученія Владиміра Мономаха и древнихъ пастырей временъ начала христіанства на Руси.

XVII и XVIII вѣка являются для нашего вопроса менѣе благопріятными, представляя меньшее количество литературныхъ памятниковъ, въ которыхъ выражались бы поиски человѣкомъ идеала и опредѣленіе жизненныхъ основъ. Вѣка эти, являясь и по существу, и, въ особенности, для русской жизни временемъ накопленія знанія и устроенія сообразно съ нимъ внѣшняго быта, для цѣлей идейной поэзіи являются, однако, мало выразительными. Въ Петровскую эпоху постепенно улучшается наскоро сложенная Петромъ Великимъ государственная машина, подыскиваются къ ней достаточно умѣлые машинисты, сообразно съ продуктами дѣятельности машины перестраивается вся жизнь отъ великаго— до мелочей, отъ дворца до нищей хаты. Идетъ черезъ окно— въ Европу практическое, по преимуществу, знаніе, являются его приверженцы, проводники и популяризаторы, просвѣщенные и для своего времени крайне либеральные люди, вродѣ поклонниковъ Декарта, Бекона и Вольфа—Ѳеофана Прокоповича и Татищева. Земное счастіе выдвигается на первый планъ предъ вѣчнымъ: таковы запросы времени. Но и въ эту эпоху мы видимъ людей, которые, при всей склонности къ лучшему строенію внѣшней жизни, болѣя душою за ея несовершенства и вырабатывая проэкты ея улучшенія, подобно новгородскому крестьянину Ивану Посошкову, скорбятъ, что жизнь отошла отъ Евангелія, и ищутъ средствъ для устроенія жизни душеполезной. Конечно. за весь Петровскій періодъ мы не можемъ отмѣтить такого количества произведеній по вопросамъ религіозно-нравственнымъ, какъ въ первые періоды. Интересы мірской жизни за этотъ періодъ выдвигаются на первый планъ, идеалы древней Руси и ин-

тересы религіозно-нравственные вытѣсняются внѣшнимъ строеніемъ жизни, образуются кружки ревнителей старины —въ простомъ народѣ, въ купечествѣ и въ дворянствѣ, не говоря уже о духовенствѣ. Наряду съ этими кружками любителей и охранителей старины образуются кружки прогрессивные съ идеалами общественнаго служенія. Жизнь осложняется, борьба усиливается и временно мірскія начала заполняютъ вниманіе русскаго человѣка. Еще болѣе характернымъ въ этомъ отношеніи является Екатерининскій періодъ.—Возникновеніе философскихъ интересовъ, увлеченіе французской освободительной матеріалистической философіей и идеями Руссо съ одной стороны, мистически-масонское движеніе съ другой, практицизмъ и идеализмъ съ пробужденіемъ нравственнаго самосознанія ставили русскаго человѣка въ необходимость сознательнаго опредѣленія своихъ отношеній къ цѣлямъ жизни въ смыслѣ ея временнаго строенія и конечнаго смысла. Борьба и соотношеніе этихъ элементовъ выдвинули сознательныхъ людей и подготовили русскую литературу XIX вѣка, въ которой по интересующему насъ вопросу о цѣнностяхъ жизни мы найдемъ уже вполнѣ опредѣленныя, выношенныя убѣжденія. Но и въ XVIII вѣкѣ мы находимъ звучное и сильное выраженіе религіозной настроенности въ одахъ Державина и Ломоносова, особенно послѣдняго. Великій ученый и общественный дѣятель своего времени, Ломоносовъ является великимъ и въ своемъ религіозномъ одушевленіи; человѣкъ со свободной мыслью, Ломоносовъ не отвергалъ религіозныхъ истинъ; онѣ были для него святыней. Ломоносовъ былъ способенъ къ религіозному воодушевленію: величественныя явленія природы, красота мірозданія, религіозныя преданія сѣвера, близость его къ Церкви и христіанскому богослуженію сохранили неповрежденность его духа въ отношеніи религіозныхъ переживаній, которыя выразились особенно въ его размышленіяхъ о Бо-

жіемъ Величествѣ. Величавое исповѣданіе Божества въ одѣ Державина, мягкая душевная религіозно-нравственная настроенность Хераскова въ его лирикѣ даютъ матеріалъ для характеристики положенія вѣчныхъ истинъ въ русскомъ сознаніи. Особенно привлекательной для своего времени представляется въ этомъ отношеніи лирика Хераскова, въ которой высшими благами человѣка представляются мысль о Богѣ и жизнь въ Богѣ, вѣра въ безсмертіе души, мысль о торжествѣ и блаженствѣ чистыхъ сердцемъ. Онъ глубоко убѣжденъ, что

„Богъ свое твореньe любитъ:
Храня порядокъ въ мірѣ семъ,
Безъ нужды праха не погубитъ—
Ни капли водъ, ни травки въ немъ!
Все къ лучшему концу стремится;
Что кажется нестройствомъ намъ,
То къ пользѣ служитъ всей вселенной!“

Приближеніе къ Богу, очищеніе души, добродѣтель— вотъ главные мотивы его произведеній. Разумнымъ защитникомъ долга, честности, совѣсти и нравственности въ духѣ старины является Стародумъ въ комедіи Фонвизина „Недоросль“.

Петровская эпоха разслабила церковный характеръ русскаго міросозерцанія внесеніемъ элементовъ земли, XVIII вѣкъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи немало дополненій и вывелъ русскаго человѣка на путь идеаловъ широкихъ—общечеловѣческихъ: служенія добру, истинѣ и красотѣ. XIX вѣкъ, въ литературномъ отношеніи—вѣкъ національнаго и реализма, даетъ намъ, помимо полноты жизненнаго отраженія и характеристики русскаго міровоззрѣнія, наибольшее количество матеріала по вопросамъ религіозно-нравственнымъ. Первымъ писателемъ XIX вѣка, для котораго духовныя цѣнности— Богъ, безсмертіе, духовность, любовь, долгъ, совѣсть и нескончаемое стремленіе къ совершенствованію — были не

только предметомъ теоретическихъ разсужденій, но и дѣйствительными переживаніями души и ея высшимъ ни съ чѣмъ несравнимымъ благомъ, былъ В. А. Жуковскій. „Да не смущается сердце ваше; вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте“! Эти слова, вырѣзанныя на памятникѣ Жуковскаго, характеризуютъ его религіозно-нравственное настроеніе, при которомъ вѣра въ Бога и въ искупительный подвигъ Христа Спасителя охраняютъ человѣка отъ всѣхъ житейскихъ невзгодъ и обусловливаютъ лично для него смыслъ жизни. Настроеніе Жуковскаго въ отношеніи вопросовъ религіозно-нравственныхъ можетъ быть охарактеризовано немногими выдержками его лирическихъ произведеній. Онъ является въ своей поэзіи учителемъ человѣчества въ отношеніи надземныхъ цѣнностей, ибо ни у кого, кромѣ Достоевскаго, гр. Льва Толстого и гр. Алексѣя Толстого, мы не найдемъ столь ясно выраженнаго религіозно-нравственнаго сознанія. Жуковскій учитъ насъ:

„Не унывать, хотя и счастья нѣтъ:
Ждать въ тишинѣ и помнить Провидѣнье;
Прекрасному—текущее мгновенье;
Грядущее—безпечно небесамъ;
Что мрачно здѣсь, то ясно будетъ тамъ“.

По его глубокому убѣжденію:

„Лучшій другъ намъ въ жизни сей—
Вѣра въ Провидѣнье.
Благъ Зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье—только сонъ.
Счастье—пробужденье“.

При жизненныхъ несчастіяхъ и испытаніяхъ, человѣкъ, по Жуковскому, не долженъ роптать:

„Грѣхъ роптанье;
Скорбь—Создателя посланье;
Зла Создатель не творитъ;
Мертвыхъ стонъ не воскреситъ.

Для спокойной и восторженной вѣры Жуковскаго нѣтъ смерти, и, „хотя на всѣхъ ярится смерть, всемощныя судьбы незыблемы уставы, и путь величія ко гробу насъ ведетъ“, но и „гробъ есть затворенная къ счастію дверь, а сердца нетлѣнныя блага—любовь и сладость возвышенныхъ мыслей“. При сознаніи своихъ премірныхъ задачъ Жуковскій бодро смотритъ на скорбный путь жизни: для него святѣйшее изъ званій—человѣкъ: „При мысли великой, что я—человѣкъ, всегда возвышаюсь душою“, ибо „земная жизнь небеснаго наслѣдникъ, а несчастье—намъ учитель, а не врагъ“. Чистый душою, презрѣвшій житейское, вѣрящій небу, ибо—„все измѣняетъ на землѣ, а небо неизмѣнно“, человѣкъ можетъ увидѣть

„Озаряющія свѣтъ младой души мечтанья,
И все, чего мы здѣсь не зримъ,
Что вѣрѣ лишь открыто—
Все вдругъ явится передъ нимъ,
Въ единый образъ слито“.

Раскаяніе и подвиги дѣятельной любви къ ближнимъ избавляютъ многогрѣшнаго Громобоя („Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“) отъ мукъ ада и отъ власти сатаны. Идеально-настроенный Камоэнсъ умираетъ въ настроеніи чистой вѣры въ смыслъ своей земной скорбной жизни, потому-что она была посвящена благу ближнихъ, для которыхъ онъ хотѣлъ быть и былъ „крыломъ могучимъ, подъемлющимъ родныя сердца на высоту, зарей, побѣду дня предвозвѣщающей, и сторожемъ нетлѣнной завѣсы, отдѣляющей земное отъ небеснаго, лекарствомъ душъ, безвѣріемъ крушимыхъ“. Для Жуковскаго, какъ и для Камоэнса,

„Поэзія—небесной религіи сестра земная,
Свѣтлолучезарный маякъ, Самимъ Создателемъ зажженный,
Чтобъ мы во тьмѣ житейскихъ бурь не сбилися съ пути.
Поэзія—есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли“.

Поэзія Жуковскаго—поэзія живой дѣятельной вѣры и непреложнаго упованія, тихой грусти, вѣры въ безсмертіе и смыслъ жизни, долга и совѣсти, любви къ родинѣ и преданности Провидѣнію, Которое „ведетъ насъ къ лучшему концу стезей непостижимой". Мягкій ласкающій тонъ поэзіи Жуковскаго, въ связи съ его гармоничной духовной настроенностію и соотвѣтственной высотой его личной жизни, звучитъ убѣдительной апологіей премірнаго смысла тѣхъ началъ жизни, которыя мы именуемъ вѣчными цѣнностями человѣческой жизни. Поэзія Жуковскаго плѣнительна не только звучностью и музыкальностью ея внѣшней формы, но и премірностію своего содержанія; она звучитъ, какъ чудесная арфа, какъ чарующій и спасительный Вадимовъ колокольчикъ, какъ пѣснь ангела, а потому не только формою, но и, еще больше, содержаніемъ—поэзія Жуковскаго

„Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, внемля ей, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль,
И рѣзвая задумается радость".

И это утѣшеніе, и эта задумчивость, и этотъ вздохъ такъ много значатъ для вѣрности человѣка вѣковымъ началамъ жизненнаго строенія.

Краса и гордость русской поэзіи, безсмертный Пушкинъ, первый выразитель полноты русскаго генія въ поэзіи, постигшій духъ русскаго народа, не могъ остаться въ сторонѣ отъ интересующаго насъ вопроса о цѣнностяхъ жизни. Пѣвучее, полнозвучное эхо вселенной, отзываясь на все въ природѣ, не могло не отозваться на вопли человѣческой души о смыслѣ, о цѣли, о правдѣ жизни. Отзываясь на земное, эхо Пушкинской поэзіи слушаетъ и небо, и землю, отзывается на колебанія, и муки, и радости человѣческой души, на біенія сердецъ; Эолова арфа духовной жизни, она воплощаетъ въ себѣ все лучшее и наиболѣе цѣнное. Прислушаемся, что говоритъ намъ это чудное эхо, какъ и о чемъ говорятъ

намъ аккорды Эоловой арфы, какъ они поютъ намъ о вѣчныхъ цѣнностяхъ человѣческаго духа.

Это поэзія Пушкина говоритъ намъ, что душа нераздѣлима и вѣчна. Это онъ, нашъ родной поэтъ все видитъ, понимаетъ, все чувствуетъ, во все перевоплощается. Онъ понимаетъ грѣховныя радости и страданія скупого рыцаря, завистливаго Сальери, сомнѣнія вѣщаго Олега, величавое спокойствіе и проникновенную молитву Пимена—лѣтописца объ Іоаннѣ Грозномъ,—„да ниспошлетъ Господь покой и миръ его душѣ, страдающей и бурной“,—онъ воспѣваетъ радости жизни, но,наскучивъ ими, извѣрившись въ нихъ, онъ переживаетъ раскаяніе и желаетъ скрыться отъ суеты міра, отъ тщеты желаній, въ заоблачную высь, „въ сосѣдство Бога“—въ монастырь на Казбекѣ. Извѣрившись въ жизни хладнаго свѣта, наносящаго ему неотразимыя обиды, Пушкинъ—универсальный синтезъ всѣхъ жизненныхъ мотивовъ и переживаній, сближается съ народными началами вѣры, сдружается со своей няней, слушаетъ ея сказки, читаетъ Библію и лѣтописи, создаетъ своего чуднаго „Бориса Годунова“ и безсмертный романъ—„Евгеній Онѣгинъ“, гдѣ наши дорогія цѣнности находятъ прекрасную иллюстрацію. Пушкинъ—пѣвецъ долга и совѣсти. Его Татьяна поражаетъ цѣльностью и тождествомъ своей личности, вѣрностію долгу. Но всего болѣе и яснѣе выраженъ мотивъ совѣсти въ Пушкинской поэзіи. Этому мотиву посвящено у Пушкина много стиховъ. Это совѣсть стучится подъ окномъ мужика, который нарушилъ ея велѣнія и мертвое тѣло, вмѣсто погребенія и молитвы, „отъ берега крутого оттолкнулъ весломъ“; совѣсть, болѣе, чѣмъ всѣ опасности внѣшнія, безпокоитъ скупого рыцаря, для котораго она „когтистый звѣрь, скребущій сердце“, заставляющій этого великаго грѣшника страдать и мучиться. Совѣсть безпокоитъ Онѣгина послѣ безсмысленной дуэли: „И окровавленная тѣнь ему являлась каждый день“. Совѣсть мучитъ душу князя („Русалка“) и вторгается въ его самодовольное настроеніе чрезъ пѣсню русалки, чрезъ

бредъ сумасшедшаго мельника; совѣсть,—въ звукахъ моцартовской пьесы, вторгается въ душу отравителя—Сальери. Но всего картиннѣе изображена эта сила совѣсти, ея власть надъ душою человѣка, ея возрождающее дѣйствіе,—въ трагедіи „Борисъ Годуновъ“; она облеклась въ страшное имя Царевича Димитрія и производитъ жизненную драму умнаго и энергичнаго правителя, молоткомъ стучитъ ему въ сердце, и наливаетъ сердце ядомъ...

„Ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть...
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветой;
Но, если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ, стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста“!

Совѣсть—одинъ изъ основныхъ мотивовъ Пушкинской поэзіи. Благодаря совѣсти, возстановляется нарушенная міровая гармонія, а ея миръ возстановляется покаяніемъ и всепрощеніемъ. Потому то Пушкинъ и цѣнитъ особо и изображаетъ особенно сочувственно и любовно тѣ картины жизни, въ которыхъ видно возстановленіе нарушенной гармоніи, и гдѣ совѣсть ведетъ человѣка къ покаянію. Покаяніе и порывъ къ утраченному небу свойственны, прежде всего, самому поэту, онъ самъ способенъ чувствовать „змѣи сердечной угрызенья“, въ его умѣ, подавленномъ тоской,

„Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ:
Воспоминаніе безмолвно передъ нимъ,
Свой длинный развиваетъ свитокъ“,

и тогда, говоритъ Пушкинъ:

„Съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю“.

И въ результатѣ такого покаяннаго настроенія поэтъ переживаетъ возрожденіе духа, когда исчезаютъ заблужденія съ измученной души людей и возникаютъ въ ней видѣнья первоначальныхъ чистыхъ дней. Пушкинъ помнитъ о часѣ смертномъ и примиреннымъ внутреннимъ взоромъ смотритъ на него, онъ чувствуетъ сладость молитвы, уносящей человѣка въ заоблачную высь и укрѣпляющей его „средь дольнихъ бурь и битвъ“, но болѣе всего умиляетъ его душу покаянная молитва, „которую священникъ повторяетъ во дни печальные великаго поста“, потому-что она „падшаго свѣжитъ невѣдомою силой“. Эхо полнозвучное міровой жизни, эхо отзывчивое и чуткое русской души, дружественное, родное намъ эхо Пушкинской поэзіи отразило въ себѣ наши духовныя жизненныя цѣнности; Богъ, безсмертіе и вѣчность, долгъ и совѣсть, любовь и покаяніе нашли себѣ въ Пушкинѣ вѣщаго пѣвца, который въ томъ ставилъ памятникъ себѣ нерукотворный, что чувства добрыя онъ лирой пробуждалъ и милость къ падшимъ призывалъ.

Бурный и мятежный геній Лермонтова является, по преимуществу, пѣвцомъ богоборнаго духа, бросающаго вызовы миротворному небу, а на землѣ—рисующаго и творящаго картины зла и разлада. Его любимый поэтическій образъ—демонъ, пролетающій гордо надъ вершинами Кавказа, сѣющій зло и все презирающій, въ высокой степени злобный и эгоистичный, а потому отверженный отъ неба и Бога. За нимъ слѣдуетъ Печоринъ,—этотъ герой своего вре-

мени, полный разлада, чуждый смиренной вѣры и любви, не думающій о вѣчности, а потому несчастный самъ и губящій все живое, вездѣ вносящій уныніе и страданіе. За Демономъ и Печоринымъ идетъ вереница Байроническихъ типовъ, ломающихъ жизнь, переоцѣнивающихъ жизненныя цѣнности и погибающихъ, главнымъ образомъ, изъ-за недостатка положительныхъ началъ жизни; если Богъ, безсмертіе, вѣчность и совѣсть не доминируютъ въ человѣческомъ настроеніи,—обширная жизненная равнина и самая вѣчность, во злѣ и мести безконечность, а, равнымъ образомъ, и все, что радуетъ живую душу,—„пустыя звучныя слова, обширный храмъ безъ Божества“. Трудно, повидимому, видѣть въ Лермонтовѣ друга и адепта жизненныхъ цѣнностей, въ отрицателѣ—послѣдователя, въ гонителѣ—защитника. Но страстный и мятежный духъ его, при неоконченной жизни, все-таки склонился къ смиренію, гордый демонъ отъ величественныхъ полетовъ надъ вершинами Кавказа перешелъ въ жизненныя долины и призналъ смыслъ земного бытія не въ сѣяніи зла, а въ подвигѣ добродѣтели, въ осуществленіи завѣтовъ вѣчности. И Лермонтовъ, этотъ Байронъ съ русскою душой, нашелъ синтезъ отрицанія и исповѣданія въ смиреніи: не даромъ же драма страсти и возрожденія у него происходитъ въ монастырской обстановкѣ. Онъ кончилъ смиреніемъ разума въ послушаніе вѣры. Онъ чувствуетъ умиротворяющее дѣйствіе символовъ любви и креста, и вѣтка Палестины кажется ему средоточіемъ мира и отрады. Это онъ, мятежный и строптивый Лермонтовъ, „въ минуту жизни трудную, когда тѣснится въ сердцѣ грусть“, твердитъ молитву чудную и способенъ чувствовать силу благодатную въ созвучьи словъ живыхъ и святую прелесть ихъ, способенъ переживать плоды молитвы, когда—„съ души, какъ бремя скатится, сомнѣнье далеко, и вѣрится, и плачется, и такъ легко, легко“... Это авторъ Демона и Печорина, Хаджи Абрека и Орши поручаетъ душу человѣческую „теплой Заступницѣ міра холод-

наго", страдаетъ отъ сознанія силы враждующихъ началъ въ человѣкѣ, когда „небо ясно, подъ небомъ мѣста много всѣмъ, но безпрестанно и напрасно одинъ враждуетъ онъ (человѣкъ)... Зачѣмъ"?... Это Лермонтовъ, все презирающій и ненавидящій, испытываетъ успокоительное дѣйствіе природы на душу человѣческую, и

„Когда волнуется желтѣющая нива,
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка..
Тогда смиряется души его тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье можетъ онъ постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ онъ видитъ Бога"...

Поэтъ, способный понять сладость молитвы, склонный воодушевляться святыми воспоминаніями Палестины, и видящій въ небесахъ Бога,—не далекъ отъ Царствія Божія, а пережитый имъ духовный мятежъ, сомнѣнія и борьба, презрѣніе и ненависть мотивируютъ въ приложеніи къ нему молитву Пушкинскаго старца Имена: „Да ниспошлетъ Господь покой и миръ душѣ его страдающей и бурной"! Да и самый мятежъ человѣка не объясняется ли въ предѣлахъ Лермонтовской поэзіи тѣмъ, что незаурядныя силы духа искали широкаго жизненнаго масштаба для цѣлей положительныхъ и не находили его. Вѣдь, поэзія Лермонтова начинается „Ангеломъ". Принеся съ собою на землю живое представленіе о содержаніи ангельской пѣсни, „о жизни блаженныхъ духовъ подъ кущами райскихъ садовъ, о Богѣ Великомъ", душа человѣка не можетъ примириться съ жизнью безъ Бога, безсмертія, дѣятельной любви, а потому...

„И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли".

Нечего говорить о великомъ поэтѣ—сатирикѣ XIX вѣка—Гоголѣ. Живое подвижническое исповѣданіе имъ храни-

мыхъ Церковью духовныхъ цѣнностей—фактъ общеизвѣстный, вызывающій вражду и презрѣніе однихъ, почтительное уваженіе и сочувствіе другихъ. Этотъ поэтъ, которому, какъ Лермонтовскому пророку, дано было всевѣдѣнье и способность читать въ очахъ людей страницы злобы и порока, поэтъ, типически и колоритно изобразившій жизнь земли—пустую, безсодержательную и мелочную, своимъ идейнымъ настроеніемъ былъ весь преданъ дѣлу душевному, дѣлу спасенія. Его близость къ Богу, подвижнически—покаянное настроеніе, аскетизмъ, молитва, покаяніе и самоиспытаніе—факты, не требующіе особыхъ подтвержденій и достаточно раскрытые въ его „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“, въ его письмахъ и „Авторской исповѣди“, въ которыхъ онъ является то въ ореолѣ живого богословствующаго ума, то въ подъемѣ аскетическаго подвижничества. Въ лицѣ Гоголя, духовныя цѣнности находятъ одного изъ лучшихъ защитниковъ и убѣжденныхъ исповѣдниковъ.

Многосодержательная и миротворная поэзія И. С. Тургенева, отражая всесторонне русскую жизнь за большой періодъ 30—70 гг., не могла остаться въ сторонѣ и по вопросамъ религіозно-нравственнымъ. Трактуя въ своей статьѣ 1860 г. Гамлета и Донъ-Кихота, какъ типичное выраженіе крайностей человѣческаго генія, Тургеневъ ищетъ въ господствующихъ типахъ русской жизни высшаго синтеза, началъ анализирующаго самоизслѣдованія и вѣрующаго энтузіазма. Конечно, не его „лишніе люди“, не Гамлеты, не романтики не даютъ ему полноты искомаго типа, ибо раздвоенность, борьба и колебанія идутъ за человѣкомъ. И тѣмъ не менѣе, тѣ типы Тургеневской поэзіи ближе къ искомому синтезу, которые—въ народѣ ли то, или въ дворянствѣ—проникнуты въ своемъ настроеніи созидающей вѣрой въ Бога, которые живутъ стремленіемъ къ небесной правдѣ и упованіемъ безсмертія, а покаяніе и подвижничество жизни считаютъ необходимой дорогой къ конечной цѣ-

ли человѣческаго бытія, къ личной же жизни своей относятся аскетически, считая личное счастье грѣховнымъ до тѣхъ поръ, пока не возстановлена вполнѣ и окончательно міровая гармонія, пока есть грѣхъ и паденія человѣческаго духа. Эта сторона вѣрности русской души Богу и вѣчности, жизни по совѣсти и долгу выражена въ поэзіи Тургенева настолько содержательно и полно, что могла бы быть предметомъ особаго изслѣдованія. Раціоналистъ и западникъ по своимъ симпатіямъ, Тургеневъ, однако, безпристрастно даетъ намъ въ своей поэзіи яркіе примѣры подвижническаго духа русскаго человѣка, особой его чуткости къ идеаламъ высшей правды. Его идеалисты—мечтатели изъ „Записокъ охотника“, Касьяны, Калинычи и т. п., суровые исполнители долга, подобно Бирюку, врожденные праведники, подобно Лукерьѣ, въ своей приниженной жизненной роли ищутъ, однако, только Божьей правды, „въ лаптяхъ ходятъ, по міру бродятъ, правды ищутъ“, скорбятъ о томъ, что справедливости въ человѣкѣ мало, мечтаютъ о той странѣ, гдѣ раздолье и Божія благодать, гдѣ „живетъ всякъ человѣкъ въ довольствѣ и справедливости“, терпѣливо переносятъ свою исключительно скорбную долю, какъ Лукерья, и молитвенно уносятся отъ земли въ чаемую ими блаженную страну, спокойно встрѣчаютъ смерть, и, въ покаяніи примирившись съ землей, вручаютъ свой духъ Небесному Отцу. Но всего опредѣленнѣе и яснѣе изображено у Тургенева религіозное настроеніе человѣка въ романѣ „Дворянское гнѣздо“, гдѣ авторъ съ особой симпатіей рисуетъ читателямъ синтезирующій типъ Лизы Калитиной. Героиня „Дворянскаго гнѣзда“ воспиталась на религіозныхъ началахъ старорусской жизни и, живя въ половинѣ XIX вѣка, не утратила своей связи съ древней Русью и еще болѣе отдаленными временами угодниковъ Божіихъ, мучениковъ и страдальцевъ за вѣру. Она въ дѣтствѣ слушала разсказы о житіи Пресвятой Дѣвы Маріи, житія отшельниковъ, угодни-

ковъ Божіихъ, святыхъ мученицъ, какъ святые въ пустыняхъ спасались, голодъ терпѣли и нужды,—и царей не боялись, Христа исповѣдывали, какъ имъ птицы небесныя кормъ носили, и звѣри ихъ слушались. Образъ Вездѣсущаго, Всезнающаго Бога съ какой-то сладкой силой втѣснился въ душу Лизы, наполнилъ ее чистымъ, благоговѣйнымъ страхомъ, а Христосъ становился ей чѣмъ-то близкимъ, знакомымъ, чуть не роднымъ. Она любитъ молитву и живетъ молитвеннымъ настроеніемъ. И это ея настроеніе благотворно вліяетъ на окружающихъ. Раціоналистъ по вопросамъ религіи, какъ предмета познанія, Лаврецкій въ соприкосновеніи съ нѣжной душою Лизы начинаетъ понимать сладость подвига молитвы и чувствуетъ потребность и возможность сліянія съ народной вѣрой. А сама Лиза Калитина всю жизнь свою опредѣляетъ съ точки зрѣнія вѣчности: для нея имѣютъ мало значенія богословскія разсужденія Лаврецкаго о религіи, ея значеніи въ исторіи человѣчества, о значеніи христіанства и т. п.. Для нея религіозный вопросъ—вопросъ жизни, для нея религія и все, съ нею связанное,—сама жизнь: „Христіанином нужно быть не для того, чтобы познавать небесное тамъ... земное..., а для того, что каждый человѣкъ долженъ умереть“. Она отказывается отъ личнаго счастья, потому—что оно можетъ быть связано съ страданіями другихъ, и идетъ въ монастырь, чтобы отмолить грѣхи свои и чужіе, и этимъ нравственнымъ героизмомъ своимъ она измѣняетъ скептическую душу Лаврецкаго до перелома, послѣ котораго онъ пересталъ думать о собственномъ счастіи, о своекорыстныхъ цѣляхъ и сталъ въ состояніи смотрѣть на жизненный конецъ безъ темныхъ чувствъ, „въ виду Ожидающаго Бога“. Въ отраженіяхъ Тургеневской поэзіи, въ господствующихъ тонахъ его произведеній—русская народная душа—богоносна и, отклоняясь въ угоду времени, въ искушеніяхъ духа противленія, на распутія жизни, кидаясь на новыя цѣнности, она способна понять

мишуру жизни и фальшивый блескъ временности и вернуться къ завѣтамъ отеческихъ преданій.

Не нужно доказывать, что поэзія школы чистаго искусства—Майкова, Тютчева и, особенно, гр. Ал. Толстого,— есть, по преимуществу, проповѣдь и защита вѣчныхъ цѣнностей, и для нихъ, въ особенности для гр. Ал. Толстого, самое высшее призваніе въ мірѣ—это „глаголомъ вольнымъ Бога славить". „А всѣ сокровища природы:

Степей безбережный просторъ,
Туманный очеркъ дальнихъ горъ,
И моря пѣнистыя воды,
Земля, и солнце, и луна,
И всѣхъ созвѣздій хороводы,
И синей тверди глубина,—
То все одно лишь отраженье,
Лишь тѣнь таинственныхъ красотъ,
Которыхъ вѣчное видѣнье
Въ душѣ избранника живетъ"...

Поэты такого типа, какъ гр. Ал. Толстой, живутъ, подобно Дамаскину, видѣніемъ Божества, слѣдованіемъ по путямъ Христовымъ, готовностью

„Его страданіемъ страдать,
И крестъ на плечи воспріять,
И на главу вѣнецъ терновый"...

И поэзія для нихъ есть проповѣдь христіанскаго міровоззрѣнія, и поэтъ—пророкъ, живущій вѣчностью и всю свою душу отдавшій тому, чтобы „глаголомъ жечь сердца людей"

„О мой Господь, моя надежда,
Моя и сила, и покровъ!
Тебѣ хочу я всѣ мышленья,
Тебѣ всѣхъ пѣсней благодать,
И думы дня, и ночи бдѣнья,
И сердца каждое біенье,
И душу всю мою отдать!

Не отверзайтесь для другого
Отнынѣ, вѣщія уста!
Греми лишь именемъ Христа,
Мое восторженное слово!“...

Творенія „великаго писателя земли русской“—гр. Льва Толстого, можно сказать, всѣ посвящены изображенію и распутываніе жизненныхъ узловъ. Жизнь страшна для живущаго сознательною жизнью, но невѣрующаго. Богъ, смерть и любовь—величайшія міровыя тайны постоянно освѣщаются въ произведеніяхъ Толстого. Женщины у Толстого почти всегда вѣрующія, живущія вѣрой простой, завѣщанной съ дѣтства. Анна Каренина, даже бросаясь подъ поѣздъ, крестится. Мужчинъ, какъ и самаго Толстого, одолѣваетъ сомнѣніе, но они борются съ нимъ и завидуютъ вѣрующимъ: „Какъ бы я былъ счастливъ и спокоенъ“, думаетъ кн. А. Болконскій, „если бы я могъ сказать: Господи, помилуй меня“! Жизнь писателя и героевъ его произведеній посвящена поискамъ жизненнаго смысла, а Богъ, истина, добро, совѣсть и вѣчность—положенія доминирующаго интереса для Толстого и его типовъ, и какъ бы они ни рѣшались въ различные моменты Маѳусаиловой жизни писателя, отношеніе къ нимъ всегда серьезное, какъ къ вопросамъ первостепенной важности. Пониманіе тезисовъ религіозно-нравственныхъ измѣняетъ подчасъ ихъ подлинный церковный смыслъ, но, по отношенію къ нашей задачѣ, безспорнымъ остаётся, что цѣнности человѣческой жизни и съ точки зрѣнія писателя-художника остаются тѣми же цѣнностями, выше и значительнѣе которыхъ нѣтъ ничего на свѣтѣ и въ соотвѣтствіи съ которыми должна быть построена личная и общественная жизнь человѣка. По сужденію Толстого, серьезный и осмысленный человѣкъ не можетъ не думать о Богѣ, нравственности, смерти и любви къ людямъ. По взглядамъ Толстого, народное роевое начало, съ его вѣрою и простотой, выше личнаго. И въ то время, какъ Ницше утверждаетъ индиви-

дуализмъ и раскрѣпощаетъ инстинкты, великій писатель земли русской подчиняетъ проявленія животной личности требованіямъ разума, и личное начало—коллективному, вплоть до сліянія съ народнымъ міровоззрѣніемъ. Расходясь въ пониманіи духовныхъ цѣнностей съ церковно—христіанскимъ міровоззрѣніемъ, Толстой по вопросу о ихъ жизненномъ смыслѣ и значимости стоитъ въ уровнѣ самыхъ строгихъ требованій.—

Но ни одинъ изъ писателей, не только рускихъ, но и иностранныхъ, не противопоставилъ съ такою яркостію проблемы вѣры и невѣрія въ ихъ жизненномъ выраженіи, какъ Ѳ. М. Достоевскій. Вся его тяжеловѣсная по слогу, мучительная по содержанію, страдальческая по тону и свѣтлая по своимъ конечнымъ выводамъ поэзія—философія посвящена вопросамъ религіозно-нравственнымъ, строительству душевнаго спасенія, идеаламъ церковно-общественнымъ. Вопросы вѣры и безвѣрія, бытія Божія, будущей жизни, любви къ ближнимъ, совѣсти, жизненныхъ страданій, духовныхъ сомнѣній, аскетизма—мы видимъ чуть не на каждой страницѣ твореній „жестокаго таланта“. Всѣ тѣ теоріи бунтующаго человѣческаго разума, которыя отмѣчены нами въ первой половинѣ нашего труда, находятъ себѣ у Достоевскаго жизненно-художественную иллюстрацію. Передъ нами поэтъ—изобразитель слезъ, которыми пропитана земля, мыслитель, который пришелъ къ идеалу „не отъ міра сего“, мученикъ русской мысли, переносящій искусъ въ лабиринтѣ своеобразныхъ выводовъ великаго инквизитора, Іоаннъ Грозный русской литературы, любитель страданія, строитель лѣсницы между небомъ и адомъ. Но онъ же—поэтъ высшихъ радостей, „иже око не видѣ, ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша“, проповѣдникъ, вселенскаго братства Христова, воплощенія Христа въ нашей жизни печальной, пророкъ—ведущій русскій богоносный народъ къ новому для человѣчества, міровому слову. Достоевскій вѣритъ въ Бога

и безсмертіе, какъ никто больше изъ русскихъ писателей, онъ вѣритъ въ добро человѣческой души, вѣритъ въ силу возрождающаго страданія, въ чуткость человѣческой совѣсти. Въ жизненномъ аду корчится въ мукахъ, безсмысленно мечется человѣкъ, и въ минуты самоиспытанія порывисто обращаетъ взоръ свой въ сторону неба и изъ глубинъ адскихъ, изъ низинъ жизненныхъ покаянно взываетъ къ небесному Престолу и Сидящему на немъ: „Осанна"! „Пусть я проклятъ, пусть я низокъ и подлъ, но пусть и я цѣлую край той ризы, въ которую облекается Богъ мой; пусть я иду въ тоже самое время за чортомъ, но я всетаки и Твой сынъ, Господи, и молю Тебя, и ощущаю радость, безъ которой нельзя міру стоять и быть". Вѣчныя цѣнности духа для Достоевскаго и его героевъ несомнѣнны; воплощаясь въ душахъ человѣческихъ, онѣ покрываются пломъ грѣховности, но и среди грязи блестятъ немеркнущимъ свѣтомъ вѣчности. Къ дѣятельному подвигу ихъ жизненнаго проявленія и зоветъ насъ Достоевскій. Жизненныя цѣнности должны быть реализированы; Богъ, добро, безсмертіе, вѣчность и др. цѣнности духа должны быть прояснены въ сознаніи человѣка; на нихъ и при свѣтѣ ихъ должно построять общественную жизнь, осуществляя идеалъ общественно-церковный и возрощая то многовѣтвистое дерево, подъ которымъ могутъ укрыться отъ адскихъ непогодъ всѣ дѣти Божіи. Въ сознаніи Достоевскаго нѣтъ ничего выше Бога и вѣчности. Для него страданіе жизни и мученія совѣсти—возрождающая купель, черезъ которую изъ отрицателя и невѣра рождается сынъ Царства Божія; для Достоевскаго вѣра есть побѣда, побѣждающая міръ, дѣятельная любовь есть источникъ жизненнаго смысла, а все вмѣстѣ христіанское міровоззрѣніе есть высшая радость жизни, и, если человѣкъ прочувствуетъ и ясно сознаетъ міровоззрѣніе христіанина-философа,—ему не нужна будетъ никакая переоцѣнка цѣнностей.

Въ началѣ 80-ыхъ годовъ закончилась романомъ „Братья Карамазовы“ и Пушкинскою рѣчью литературная дѣятельность Ѳ. М. Достоевскаго, въ то же время почти закончилась художественно-литературная дѣятельность Л. Н. Толстого, и интересы „великаго писателя земли русской“ сконцентрировались почти исключительно въ сторону религіозныхъ морально-философскихъ вопросовъ[1]). Конецъ XIX вѣка—80-е и 90-е г. г.—въ литературномъ отношеніи, по интересующему насъ вопросу, характеризуется особымъ содержаніемъ и идеологіей писателей этого времени—А. Чехова (80-е г. г.) и М. Горькаго (90-е г. г.). Чеховъ далъ безконечное количество маленькихъ, въ 2-3 странички, юмористическихъ разсказовъ, идейное содержаніе которыхъ, однако, гораздо шире ихъ внѣшнихъ размѣровъ. Какъ сатирикъ переживаемой эпохи, Чеховъ, примыкая въ этомъ отношеніи къ Гоголю, даетъ картину тусклой, унылой безпросвѣтной и мелочной жизни, его люди чувствуютъ, что всѣмъ скучно и горько; чувствуютъ, какъ ничтожна и плоска жизнь. Гоголь изобразилъ намъ жизнь, главнымъ образомъ, въ поэмѣ „Мертвыя души“; разсказы Чехова даютъ намъ картину нудной жизни живыхъ мертвецовъ. Предъ нами въ произведеніяхъ Чехова развивается жизненная трагедія, и трагедія эта—въ полномъ отсутствіи всего трагическаго и возвышеннаго, бодрящаго и свѣтлаго въ реальной человѣческой жизни; трагедія эта заключается не въ томъ даже, что эти, именно, опредѣленные типы не имѣютъ высокихъ цѣлей для жизни, но и еще болѣе—въ томъ, что этого высокаго вообще не видно въ жизни, что жизнь обратилась въ какую-то „Мѣщанскую драму“, при которой наиболѣе сознательные

---

[1]) Въ это время Толстой пишетъ разсказы для народа напр. „Чѣмъ люди живы“, „Два старика“, „Свѣчка“ и др. Срѣдка появляются и художественныя произведенія, напр.: „Смерть Ивана Ильича“, „Плоды просвѣщенія“, „Власть тьмы“, „Крейцерова соната“, „Хозяинъ и работникъ“, „Воскресеніе“.

элементы переживаютъ страхъ жизни и радость смерти. Но эта радость смерти—не въ томъ тонѣ и строѣ, какъ у вѣрующаго человѣка, для котораго печально, что „его пришельствіе продолжится“, и смерть — пріобрѣтеніе, а въ смыслѣ уничтоженія бытія и паническаго бѣгства отъ жизни. Человѣкъ зарывается отъ жизни въ свою раковину и приходитъ къ необходимости строить жизнь по шаблону и не итти дальше шаблона, внѣ котораго люди не знаютъ, что имъ дѣлать. Люди пьютъ, ѣдятъ, спятъ, потомъ умираютъ... родятся другіе, и тоже ѣдятъ, пьютъ, спятъ, и, чтобы не отупѣть отъ скуки, разнообразятъ жизнь свою гадкой сплетней, водкой, картами... Зараженный картиной матеріальнаго и духовнаго разоренія, Чеховъ далъ въ 80-е г. г. поэму огромной, но убогой жизни, которой нечѣмъ жить, некуда итти, когда у людей нѣтъ идейности, нѣтъ мужества. Жизнь подобна долгой осени, гдѣ въ сырости и слякоти происходитъ своеобразное разложеніе прежнихъ цѣнностей, созерцая которое, современный человѣкъ готовъ по-Гоголевски воскликнуть: „Скучно на этомъ свѣтѣ, господа“!

Въ борьбѣ съ безотрадностію жизни, для воодушевленія человѣка и оправданія бытія, Чеховъ къ 90-мъ годамъ выдвигаетъ вѣру въ прогрессъ жизни, въ то, что „настанутъ лучшія времена: возсіяетъ заря новой жизни, восторжествуетъ правда, и на нашей улицѣ будетъ праздникъ“! „Страданія наши перейдутъ въ радость для тѣхъ, кто будетъ жить послѣ насъ, счастье и миръ настанутъ на землѣ, и помянутъ добрымъ словомъ, и благословятъ тѣхъ, кто живетъ теперь“... Но человѣку инстинктивно страшно хочется жить, „хочется, чтобы наша жизнь была свята, высока, торжественна, какъ сводъ небесный. Будемъ жить“! Но и въ періодъ громкихъ призывовъ, яркихъ жизненныхъ знаменъ, раздаются у Чехова тоскливыя нотки сомнѣнія въ осуществленіе прогрессивныхъ идеаловъ („Дядя Ваня“, „Три сестры“), потому-что онъ видитъ, что человѣкъ не живой: „Богъ со-

здалъ человѣка, чтобы живой былъ, чтобы и радость была, и тоска была, и горе было, а ты ничего не хочешь"... Жизнь идетъ безъ мечты: „Наше поколѣнье юности не знаетъ, юность стала сказкой миновавшихъ лѣтъ"...

Къ концу XIX вѣка, въ 90-е г. г., когда особенно тусклой стала жизнь и возникло стремленіе къ жизни красочной, сильной и красивой, въ русской литературѣ явился М. Горькій и вмѣстѣ съ нимъ грубоматеріалистическое пониманіе жизни и переоцѣнка вѣчныхъ жизненныхъ цѣнностей во имя инстинкта и немотивированной свободы. Въ сумеркахъ жизни, въ безпросвѣтной тоскѣ, въ томленіи души по недостатку жизненныхъ радостей, Горькій блеснулъ своей вѣрой въ жизнь и человѣческія силы, выдвигая героя—кузнеца своего счастія. Natura hominum novitatis avida est!, а потому,—жадное на моду, наскучившее пессимизмомъ жизни, общество бросилось подъ знамя Горьковскихъ идеаловъ; его оптимизмъ казался тѣмъ болѣе привлекательнымъ, что то былъ оптимизмъ человѣка, котораго не задавили годы лишеній и нужды, страданія тѣла и души, усиленный гнетъ жизни. „Неправда", воскликнулъ онъ, „неправда, что жизнь мрачна, въ ней есть свѣтлое, чарующее, красивое, радость, а въ человѣкѣ есть сила создать то, чего въ жизни не достаетъ". „Я больше всѣхъ васъ зналъ горя, униженій, и голода, и холода; но... жизнь прекрасна"! И Горькій повелъ къ радостямъ и картинности жизни.... Въ чемъ онѣ, по его мнѣнію?—Въ освобожденіи инстинктовъ, въ устраненіи нравственныхъ нормъ, въ отрицаніи вѣчныхъ цѣнностей, въ полной свободѣ отъ нихъ, въ стихійности настроенія; и иллюстраціей ко всему этому явился, по преимуществу, босякъ, идейный босякъ, а, съ нашей точки зрѣнія, босякъ и въ духовномъ смыслѣ. Не всѣ босяки, фигурирующіе въ произведеніяхъ Горькаго, — *его* босяки, но тѣ крупные, идейные, которые не могутъ найти себѣ мѣста на землѣ и внутри которыхъ живетъ постоянный зудъ чего-то новаго; но

есть и мелкіе изъ нихъ, которые „не могутъ выбрать себѣ штановъ по вкусу и всегда стонутъ“. За босяками идутъ у Горькаго тѣ строители жизни, которые полны непреодолимаго желанія ломать существующій жизненный порядокъ, перестраивать жизнь, хотя, подобно Нилу („Мѣщане“), не въ состояніи отвѣтить на вопросъ: „Кто есть Богъ твой“? Симпатизируя сильному человѣку, отрицательно относясь къ интеллигенціи, идеализируя пролетаріатъ, проповѣдуя уваженіе къ человѣку, Горькій умѣетъ сильно протестовать противъ нестроенія жизни, энергично и беззастѣнчиво разрушать, но не созидать. Разломать онъ умѣетъ и можетъ, а что строить на развалинахъ, онъ не знаетъ, а потому это поэтъ отрицанія и недовольства, но не строительства жизни. Для строительства жизни нужно умѣнье не только расчистить мѣсто, но—и заложить фундаментъ, и знать коренные устои и почву, на которой нужно строить. Для строительства вождямъ жизни нужно не только смотрѣть по земнымъ низменностямъ, но нужно быть въ состояніи—

„Когда дышать такъ трудно,
Съ отрадою поднять чело—
Съ лица земли, гдѣ все темно и скудно,
Въ тотъ міръ небесъ, гдѣ ясно и свѣтло“:

Горькій не умѣетъ поднять свой духовный взоръ къ небу, и потому, дѣйствуя лишь въ предѣлахъ земного, не можетъ дать удовлетворенности живымъ запросамъ человѣческой души, и по направленію его хочется воскликнуть: „Максимъ, давай въ небо смотрѣть“!

Давайте въ небо смотрѣть!—это можно сказать почти всѣмъ современнымъ писателямъ, предметамъ моды, поклонникамъ и ловцамъ момента, которые проповѣдуютъ импрессіонизмъ и иллюзіонизмъ, рисуютъ хаотичность настроеній (К. Бальмонтъ), вводятъ мистику въ явленія городской обыденности (А. Блокъ и Осипъ Дымовъ), скорбятъ объ отсутствіи въ жизни фанатизма, держатся литературной мозаики

декадентства (Сергѣевъ-Ценскій), рисуютъ жизнь подъ гнетомъ непонятной, безпощадной, безыменной силы, подъ которымъ она скучна, отрывочна, малосмысленна... XX вѣкъ въ жизни нашей характеризуется пока хаотичностію настроеній, нормировкой общественно политическихъ группъ, выжиданіемъ и недовѣріемъ, хмуростью и скукой. А въ переживаемыхъ сумеркахъ темныя силы жизни стремятся омрачить жизненныя вѣковыя цѣнности и противопоставить ихъ мнимой безотрадности и безрадостности проповѣдь жизненныхъ радостей въ духѣ Ницшеанства, декадентства и отдаленнаго язычества, и лишь изрѣдка и сравнительно одиночно звучатъ немногіе голоса „въ защиту идеаловъ разума“ [1]). Весьма не чуждый интуитивной провиденціальности, многими поклонниками признаваемый за пророка, другими именуемый ложнымъ пророкомъ—В. С. Соловьевъ въ своей фантазіи „Три разговора“, незадолго до своей смерти предрекалъ желтую опасность—нашествіе желтой языческой расы на христіански-европейскій міръ, первый опытъ котораго и выразился въ фактѣ русско-японской войны. Міръ буддійской и конфуціанской мысли воздвигаетъ жертвенный алтарь въ политическомъ центрѣ христіанской страны. Подготовляется почва для посѣва антихристіанскихъ началъ жизни. Этимъ усиліямъ язычества благопріятствуетъ склонность высшихъ слоевъ общества къ демоническимъ настроеніямъ, которыя находятъ себѣ возбуждающую пищу въ экстазахъ и психозахъ неестественной, изломанной жизни обитателей большихъ городовъ. Нервное утомленіе, разложеніе воли, пресыщенная извращенность вкусовъ ищутъ себѣ оправданія и поддержки въ современныхъ теоріяхъ и сами представляютъ благопріят-

---

[1]) Подъ такимъ заглавіемъ вышло изданіе философскихъ сборниковъ подъ редакціей профес. Моск. дух. академіи А. И. Введенскаго. Сюда же слѣдуетъ отнести сборникъ двѣнадцати авторовъ подъ заглавіемъ „Проблемы идеализма“ (1903 г.) и книгу Н. Бердяева „Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи“.

ную почву для всякаго рода жизни, только не для церковно-христіанской. Поэзія декаданса изображаетъ больную, изломанную, извращенную душу человѣка—жителя культурныхъ центровъ, анализируетъ темные инстинкты и животныя страсти, извращенные вкусы и маніакальныя идеи, копается въ жизненной грязи и разлагаетъ человѣческій духъ. Грусть терзаетъ человѣка подъ гнетомъ жизненнаго ярма, съ тоской жаждетъ онъ яснаго неба и тихихъ звѣздъ. Изстрадавшійся, изветшавшій человѣкъ готовъ откликнуться на призывъ: „Давай смотрѣть въ небо“!, лишь бы въ этомъ небѣ не было для него пусто, глухо и ничтожно, лишь бы не казалось современному человѣку, что „ни небу, ни землѣ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до нашей нравственности“ [1]).

Мы прослѣдили положеніе вѣчныхъ цѣнностей нашей жизни и связанныхъ съ ними представленій въ опредѣленіяхъ бунтующаго человѣческаго духа—съ одной стороны, при свѣтѣ разумной вѣры и въ зеркалѣ русской поэзіи—съ другой стороны. Выводы, которые сами собою слѣдуютъ изъ сдѣланныхъ нами наблюденій, сводятся, на нашъ взглядъ, къ слѣдующему:—1) Тѣ положенія, которыя мы трактуемъ, какъ вѣчныя цѣнности человѣческой жизни, безспорно и являются таковыми для всѣхъ временъ, и самая разнорѣчивость людей и горячность въ спорѣ о нихъ свидѣтельствуетъ объ особенной близости ихъ человѣческому сознанію.

2) Положеніе жизненныхъ цѣнностей на общечеловѣческомъ рынкѣ всегда концентрируется около мыслимой человѣчествомъ жизненной цѣли и, такъ какъ пониманіе послѣдней колеблется въ зависимости отъ вѣяній времени и стадій развитія человѣческаго духа, то и опредѣленіе цѣнностей то повышается, то понижается.

---

[1]) Метерлинкъ. Сочиненія, т. IV, „Царство матеріи“.

„Какъ много, въ теченіе жизни земной,
О будущемъ люди мечтаютъ,
И всѣ они цѣли счастливой, златой
Достигнуть скорѣе желаютъ.
Міръ Божій то свянетъ, то вновь расцвѣтетъ,
А смертный все ищетъ, все лучшаго ждетъ".

3) Въ опредѣленіяхъ бунтующаго духа жизненныя цѣнности переживаютъ особенно неустойчивый курсъ, главнымъ образомъ, въ зависимости отъ того, что, ставя себѣ конечною цѣлью устроеніе царства земного и усвоя антихристіанское міропониманіе. естественный духъ человѣка нерѣдко отрицаетъ значеніе вѣчныхъ началъ по малопригодности ихъ къ узкой цѣли земного бытія и по вытекающему изъ нихъ требованію расширенія жизненнаго масштаба.

4) Религіозное настроеніе человѣка, плѣняя разумъ въ послушаніе вѣры и внушая безусловное довѣріе къ глаголамъ Божественнаго Откровенія, убѣждаетъ человѣка въ абсолютности вѣчныхъ началъ человѣческаго совершенствованія.

5) Поэзія, основанная на особой живости и силѣ прирожденныхъ человѣческому духу идейныхъ стремленій, какъ „религіи небесной сестра земная", какъ „Богъ въ святыхъ мечтахъ земли", создаетъ въ человѣкѣ настроеніе, въ общемъ, весьма благопріятное для строенія жизни въ гармоніи съ вѣчными цѣнностями, и общимъ своимъ содержаніемъ составляетъ ихъ убѣдительную апологію.

6) Но съ помраченіемъ идеальнаго сознанія, съ ослабленіемъ идейныхъ стремленій души, съ оземлененіемъ интересовъ человѣка, и поэзія отклоняется отъ своихъ господственныхъ завѣтовъ и начинаетъ служить временному вмѣсто вѣчнаго.

7) Послѣднимъ моментомъ опредѣленія жизненныхъ цѣнностей и въ философіи (Ницше), и въ поэзіи (М. Горькій)

является переоцѣнка ихъ съ точки зрѣнія красочности, яркости и радости жизни.

8) Радости жизни, трактуемыя, какъ критерій для опредѣленія жизненныхъ цѣнностей, понимаются въ смыслѣ эвдемонистическомъ и матеріалистическомъ.—Если мы, говоритъ Метерлинкъ, въ изысканномъ современномъ обществѣ произнесемъ слова: радость, счастіе, блаженство, идеалъ и соберемъ въ зеркалѣ всѣ отраженія, что получится?—Красивыя, сплетшіяся въ объятіяхъ тѣла, золото, драгоцѣнные камни, дворцы, обширные парки, капиталъ, дарующій здоровье, причудливыя украшенія и драгоцѣнности, олицетворенныя наши тщеславныя мечты и, надо признаться, въ большинствѣ случаевъ—хорошіе обѣды, тонкія вина, роскошныя квартиры, но безпристрастный разумъ, умиротворенная совѣсть, справедливое и любящее сердце, способность къ воспріятію идеальнаго не войдетъ въ это отраженіе [1]).

9) Современная жизнь, даже помимо эвдемонистическаго, утилитарнаго и матеріалистическаго теченія, склонна опредѣлять жизненныя цѣнности, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія красочности, яркости и, въ связи съ этимъ, радости жизни.

Вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что ***радости жизни*** должны опредѣлять и жизненныя цѣнности, мы въ заключеніе нашей работы полагаемъ возможнымъ отмѣтить пути къ жизненнымъ радостямъ. Мы думаемъ, что, если вѣра въ Бога, безсмертіе души, чистота совѣсти, непрерывное совершенствованіе духа даютъ послѣднему и высшую жизненную радость, то они тѣмъ самымъ, даже съ современной точки зрѣнія, должны быть мыслимы, какъ абсолютныя цѣнности духа, ибо ими и чрезъ нихъ достигается жизненная цѣль и пріобрѣтается то, что дорого для человѣка. Современная

---

[1]) Метерлинкъ. Сочиненія, т. IV, „Эволюція матеріи“.

жизнь, можетъ быть, подъ вліяніемъ утилитарно-эвдемонистическаго направленія, а, отчасти, въ виду наблюдаемой нервозности и признаковъ вырожденія, дряблости характеровъ, безцвѣтности и вялости настроеній, принимаетъ весьма энергичныя мѣры къ тому, чтобы повысить жизнеупорность человѣческую, главнымъ образомъ, молодого поколѣнія—„будущаго человѣчества“. Главнымъ средствомъ для этого считается укрѣпленіе и воспитаніе человѣческаго тѣла питаніемъ, воздухомъ, движеніями и т. п. Любятъ при этомъ мотивировать свои заботы ссылкою на пословицу языческаго Рима: „mens sana in corpore sano“, совершенно забывая при этомъ тѣ безспорные факты, что здоровое тѣло можетъ быть сильнымъ въ служеніи страстямъ и хилое—сильнымъ въ служеніи идеѣ, что здоровое тѣло можетъ быть проводникомъ языческаго животнаго міропониманія, и болѣзненное и слабое тѣло можетъ быть носителемъ свѣтлаго, сильнаго и героическаго духа. Здоровые тѣломъ язычники были гонителями идейныхъ исповѣдниковъ вѣры, и слабые тѣломъ, питавшіеся „даромъ Божьей пищи“, отшельники, скитаясь въ пещерахъ, горахъ, тѣснотахъ и пропастяхъ земныхъ, лишенные всего, скорбящіе и озлобленные, вѣрою побѣждали царства, укрощали львовъ и медвѣдей. Многіе изъ современныхъ бойцовъ за укрѣпленіе тѣла, особенно, лично для себя, имѣютъ цѣлію пригодность его для тѣхъ радостей жизни, о которыхъ выше замѣчаетъ Метерлинкъ. Отмѣчая совершенную ошибочность мнѣнія, что здоровое тѣло даетъ и героическій духъ, а тѣлесная гимнастика, сообщая легкость тѣлу, создаетъ и легкость души и гибкость мысли, мы приведемъ нѣсколько замѣчательныхъ, на нашъ взглядъ, совѣтовъ по вопросу о жизненныхъ радостяхъ, которые излагаются въ заслуживающей вниманія книгѣ Мюльфорда—„Къ жизни“ [1]).

[1]) Прентисъ Мюльфордъ. Къ жизни. Книга о красотѣ и радости; перев. съ англ. подъ редакц. Н. Бѣляева, СПБ., 1912.

Обращая вниманіе на жажду человѣчествомъ безсмертія, съ стремленіемъ, при безвѣріи, осуществить его въ физическомъ смыслѣ, Мюльфордъ особенно рекомендуетъ воспитаніе духа, а не тѣла, и этотъ духовный ростъ человѣка ставитъ необходимымъ условіемъ и жизненныхъ радостей. Содержаніе нашей духовной жизни увеличиваетъ или ослабляетъ силу нашего духа. Сила духа отражается въ условіяхъ и личной, и общественной жизни [1]). Мы или передаемъ свои мысли и настроенія въ окружающую среду, или пассивно втягиваемъ въ себя вліяніе среды. Нужно жить идейными мыслями и настроеніями. Иногда намъ полезно одиночество и собранность духа, иногда общеніе съ людьми, которые бы, однако, не принижали, а возвышали нашъ духъ [2]). Такими людьми являются близкіе намъ люди, а такими—будутъ тѣ, которые имѣютъ одинаковыя съ нами стремленія [3]). Нравственная, духовная близость выше плотской. Люди могутъ обременять другъ друга, или, наоборотъ, оказывать другъ другу нравственную поддержку и внушать внѣшне и духовно образъ должнаго поведенія, причемъ особое значеніе имѣетъ единство идей. При условіи единства идей, мы можемъ служить взаимной поддержкѣ. Наша внѣшность отражаетъ наши душевныя состоянія. Совершенствованіе духа совершенствуетъ и внѣшность. Мысленные элементы находятъ себѣ пріютъ и отраженіе въ нашей одеждѣ [4]). Мысль вѣсома: тяжелая, мрачная мысль всегда ищетъ сырой атмосферы, и легкая мысль способна преодолѣть законъ тяготѣнія. Особенно религіозная вѣра просвѣтляетъ духъ. Религія каждой націи—это законъ, руководящій націей и созидающій ея жизнь. Священнослужитель—это человѣкъ съ особенной силой духа, которая дѣлаетъ его молитву сильной и

---

[1]) П. Мюльфордъ. Стр. 1—25.
[2]) Тамъ же, стр. 29—49.
[3]) Тамъ же, стр. 49.
[4]) Тамъ же, стр. 94.

дѣйствительной [1]). Его священныя одежды находятся въ гармоніи съ его настроеніемъ и не должны быть носимы внѣ богослуженія, потому-что онѣ осквернились бы и пропитались мыслями черни. Сѣрое, безцвѣтное настроеніе современнаго человѣка приводитъ и къ сѣрымъ цвѣтамъ моды въ одеждѣ [2]). Хмурость духа современнаго человѣка въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ того, что онъ слишкомъ занятъ и не имѣетъ времени для духовнаго отдыха и созерцанія, которое является источникомъ новыхъ идей [3]). Евангельская Марѳа утомлялась, Марія же въ своёмъ спокойствіи росла духомъ и возрождалась. Вдали отъ мелочныхъ заботъ, она увеличивала въ себѣ ту силу, которая при подходящихъ обстоятельствахъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ можетъ сдѣлать больше, чѣмъ Марѳа за нѣсколько недѣль со всѣмъ своимъ рвеніемъ и радѣніемъ [4]). Въ связи со всѣмъ изложеннымъ, Мильфордъ даетъ нѣсколько практическихъ совѣтовъ. Необходимо заботиться о здоровьи и собранности духа. Необходимо сильно хотѣть желаемаго, протестуя противъ уродливой дѣйствительности, если не активно, то мысленно [5]). Для укрѣпленія духа необходимо общеніе съ людьми, которые находятся въ идейномъ согласіи съ нами, и не нужно довѣрять тѣмъ людямъ, которые равнодушно относятся къ нашимъ стремленіямъ и успѣхамъ [6]). Каждый долженъ подняться на такую нравственную высоту, чтобы жить въ общеніи съ Высшимъ Духомъ, ибо въ томъ— высшая мудрость и высшее знаніе [7]). Кто слабъ и нервенъ, тотъ долженъ винить не свое тѣло, а свой духъ. Физиче-

---

[1]) Стр. 96.
[2]) Стр. 100—101.
[3]) Стр. 108.
[4]) Стр. 114.
[5]) Стр. 122.
[6]) Стр. 125.
[7]) Стр. 133.

ское нездоровье зависитъ отъ нездороваго состоянія духа. Кто хочетъ имѣть здоровое тѣло, тотъ долженъ заботиться о здоровьи своего духа [1]). Развивъ силу и чуткость духа, пробудивъ свое духовное чутье, мы въ состояніи сообщаться съ родственнымъ намъ духомъ независимо отъ пространства и времени [2]). Самую высшую радость жизни составляетъ спокойствіе духа. Когда мы переживаемъ настроеніе тихаго довольства и удовлетворенности, въ насъ нѣтъ никакого необузданнаго желанія, мы никуда не спѣшимъ, никуда не торопимся. Мы чувствуемъ себя въ гармоніи и согласіи со всѣмъ міромъ, забываемъ о недругахъ, о заботахъ и непріятностяхъ. Въ такія минуты намъ все доставляетъ радость: лѣса, небо, проходящіе мимо насъ люди... Нашъ спокойный, ничѣмъ не встревоженный духъ воспринимаетъ лишь пріятныя, ясныя впечатлѣнія, и мы тогда желаемъ, чтобы это состояніе продолжалось вѣчно... Оно и на самомъ дѣлѣ можетъ продолжаться, если мы въ гармоніи съ самими собой, съ природой и съ людьми. Въ такомъ настроеніи мы впитываемъ мысли, которыя сами къ намъ являются. Спокойствіе и ясность духа равнозначущи непрерывной умственной работѣ, безпрестанному впитыванію все новыхъ и новыхъ силъ. Все должно сводиться къ одному—къ радости... Когда мы дѣйствительно умѣемъ радоваться, тогда все превращается въ удовольствіе и развлеченіе... Это созидательное состояніе духа. Духъ нашъ становится магнитомъ. Его силы тогда центростремительны, и поэтому увеличивается ихъ способность притягивать мысли и идеи, внушающія намъ новыя намѣренія, предпріятія и открытія [3])...

---

[1]) Стр. 131.

[2]) Стр. 144—145.

[3]) Мюльфордъ, стр. 144—147. Въ томъ же духѣ опредѣляются условія жизненныхъ радостей въ кн. Дж. Лёббока „Радости жизни“, перев. съ англ. Ловцовой, 3-е изд.. СПВ. 1899 г. См. гл II, XIV, XVI, XX и XXI.

•Въ отмѣченной работѣ англійскаго моралиста насъ интересуетъ прежде всего основная мысль о томъ, что *укрѣпленіе духа есть вѣрнѣйшій путь къ жизненнымъ радостямъ*, и въ связи съ этою мысль—указанія условій укрѣпленія духа. Такими условіями, по Мюльфорду, являются: а) идейность духовнаго настроенія, б) общеніе съ Богомъ, в) духовное единеніе съ людьми на почвѣ идейныхъ стремленій, г) развитіе способности къ созерцательности и собранности духа и д) въ связи со всѣмъ этимъ спокойствіе духа, дѣлающее послѣдній способнымъ не только впитывать идеи міра духовнаго, но и передавать ихъ въ окружающую среду, одерживая надъ нею духовныя побѣды [1]). Раздаваясь на ряду съ Ницшеанской проповѣдью объ освобожденіи инстинктовъ и переоцѣнкѣ цѣнностей, наряду со всевозможными ученіями о культѣ плоти, голосъ англійскаго мыслителя гармонируетъ съ предпринятою нами попыткой выясненія цѣнностей человѣческой жизни съ цѣлью опредѣлить пути къ подлиннымъ радостямъ жизни.

Жизненная площадь современности, въ значительной ея части, даетъ намъ въ отношеніи къ трактуемому вопросу о цѣнностяхъ жизни малоотрадныя картины духовнаго застоя, непролазнаго невѣжества и равнодушія, апатіи и тоски, при

---

[1]) Поддерживая Ницшеанское ученіе о сверхчеловѣкѣ—властелинѣ толпы, одинъ изъ современныхъ писателей ставитъ главную задачу жизни въ томъ, чтобы влiять и воспитывать власть избранныхъ и высоко стоящихъ людей властелиновъ человѣчества, великихъ міра сего—Каіафъ, Пилатовъ, Кесарей Можно собрать такую многочисленную толпу, что она въ состояніи будетъ оторвать себѣ кусочекъ власти, можно дать ей большой ножъ и заставить ее колоть, рубить и рѣзать, и ее можно провести настолько, что она сдѣлается слѣпымъ орудіемъ и возьметъ верхъ при голосованіи; но выиграть побѣду, выиграть духовныя цѣнности, подвинуть міръ впередъ по пути прогресса, хотя бы на одну пядь,—нѣтъ, это невозможно, этого не сдѣлаетъ толпа (Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, изд. Маркса, т. 1, кн 2, романъ „Мистеріи“). Во всякомъ случаѣ, для духовныхъ побѣдъ, для защиты духовныхъ цѣнностей нуженъ героизмъ и сила духа.

которыхъ все, связанное съ Церковью и Ея духовно-просвѣтительной и спасительной миссіей, тѣмъ самымъ игнорируется, вызывая снисходительно-презрительныя улыбки однихъ и теплохладно-приличное сочувствіе другихъ. Panem et circenses!—раздается по всей жизненной площади, и, такъ какъ Церковь учитъ, что „не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ“, и зрѣлищъ не обѣщаетъ, то двери мірскихъ учрежденій, обѣщающихъ первое и дающихъ вторыя безъ малѣйшихъ для входящаго туда обязательствъ, не часто можно видѣть замкнутыми и непроницаемыми, а учрежденія Церкви мыслятся въ положеніи больницъ и аптекъ, къ которымъ человѣкъ обращается „въ минуту жизни трудную“, или въ смыслѣ источниковъ для выдачи патента хорошаго тона, но не подлинной жизни. Но и среди теплохладности, духовной косности оземленившейся части общества есть не мало такихъ, въ душѣ которыхъ звучитъ потонувшій колоколъ высшей правды, слышится напоминающій звукъ Вадимова колокольчика, призывно томитъ святая пѣснь ангела о небѣ, о правдѣ, о будущности человѣчества... Люди эти, по цѣлому ряду сложныхъ причинъ, недостаточно близкіе къ Церкви, въ своемъ естественномъ Богопознаніи находятся въ положеніи того юноши, который, въ извѣстномъ стихотвореніи Гейне, мучается вопросами надземнаго смысла жизни и премірныхъ цѣнностей:

„Ночью надъ берегомъ бурнаго моря
Юноша грустный стоитъ.
Полонъ сомнѣній, съ тоскою на сердцѣ,
Такъ онъ волнамъ говоритъ:
О, разрѣшите мнѣ жизни загадку,
Вѣчно тревожный и страшный вопросъ—
Сколько головъ безпокойныхъ томилъ онъ,
Сколько имъ муки принесъ!
Головы въ іероглифныхъ тіарахъ,
Въ черныхъ беретахъ, въ чалмахъ,

Въ пудрѣ, и головы всякаго рода
Бились надъ этимъ вопросомъ въ слезахъ.
Кто же рѣшитъ мнѣ, что тайна отъ вѣка,—
Въ чемъ состоитъ существо человѣка,
Какъ онъ приходитъ, куда онъ идетъ,
Кто тамъ вверху надъ звѣздами живетъ?
Катятся волны съ шумомъ обычнымъ,
Вѣтеръ несется и тучи несетъ,
Звѣзды мерцаютъ съ безстрастьемъ холоднымъ,
Бѣдный безумецъ отвѣта все ждетъ".

Грусть тоска и безотвѣтность этихъ людей, зависящія отъ того только, что за рѣшеніемъ міровыхъ загадокъ, за опредѣленіемъ жизненныхъ цѣнностей они обращаются къ своему естественному разуму и къ стихіямъ міра. Но что отвѣтила бы равнодушная мірская толпа и эти пытливые искатели жизненныхъ кладовъ, если бы они сознали, убѣдились, воочію увидѣли, что подлинно питающій хлѣбъ, всѣмъ доступный, можетъ быть полученъ отъ Церкви, что разрѣшеніе міровыхъ загадокъ и тайнъ преподается въ тайноводствующемъ разумѣ вѣры, а безконечно дорогія цѣнности жизни хранятся въ сокровищницѣ церковной, куда апостолы положили въ полнотѣ все, что принадлежитъ истинѣ? Что сказали бы люди эти, если бы мы были въ состояніи сказать на понятномъ для нихъ языкѣ, въ тонѣ, расплавляющемъ ледъ и недовѣріе ихъ душъ, что наиболѣе цѣнныя вѣчныя радости возможны только для человѣка, усвоившаго христіанское міропониманіе? Что бы почувствовали они, если бы намъ удалось, самимъ просвѣтивши свой духовный взоръ къ видѣнію небеснаго, прояснить духовное ихъ зрѣніе до возможности видѣть тайноводственное строеніе Царства Божія, при которомъ мѣняется лицо земли, прекращается на ней вой шакаловъ и гіенъ, со всѣхъ жизненныхъ низинъ несется небесно-гармоничное „Осанна", перековываются мечи на орала, копья на серпы, рысь почіетъ съ козлищемъ и левъ, подобно волу,

питается травой!? Не удовлетворило бы это дивное зрѣлище и самыхъ изысканныхъ, нетерпѣливыхъ требованій на тему: panem et circenses!? Конечно, да! Вѣдь, въ эту минуту познавшій строеніе Царства Божія человѣкъ увидѣлъ бы воочію самое лучшее зрѣлище, исполненіе всѣхъ надеждъ, при которомъ всѣ утопическіе идеалы соціальныхъ мечтателей о фалангахъ и фаланстерахъ стали бы дѣйствительностью, и мечтатели тѣ почувствовали бы себя въ положеніи того связаннаго субъективными условіями познанія раба міровой ограниченности, который, по глубокомысленному образу древняго мудреца Платона, оторвался отъ цѣпи жизненной пещеры, увидѣлъ восхитительное зрѣлище свѣтлаго царства идей, послѣ котораго тѣни пещерной стѣны уже не способны его радовать...

„И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли“...

Вотъ куда, вотъ въ какую сторону должны, по нашему мнѣнію, направляться всѣ усилія богословствующаго разума въ настоящее время,—въ сторону уясненія и оживленія нравственно-христіанскихъ идеаловъ, къ обоснованію христіанскаго міропониманія, къ оживленію религіозно-нравственнаго сознанія человѣчества. Богословствующій разумъ долженъ принять стремленіе человѣчества къ жизненнымъ радостямъ и даже къ переоцѣнкѣ цѣнностей, какъ вполнѣ законное, но онъ долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ показать ошибочность путей, которыми идетъ человѣчество въ настоящее время къ искомой цѣли, раскрывая вмѣстѣ съ тѣмъ, что вѣчными цѣнностями человѣческаго духа могутъ быть не иныя какія-либо, а только: Богъ, безсмертіе, вѣчность, совѣсть, нравственное совершенство и, въ связи съ ними, дѣятельная христіанская любовь. Должно раскрыть, что эта реализація и возможно широкое воплощеніе этихъ цѣнностей въ жизни приведетъ человѣка и къ высшимъ, безцѣннымъ радостямъ жизни. Оживленіе религіозно-нравственнаго сознанія есть потребность

настоящаго смутнаго времени, въ оживленіи религіозно-нравственнаго сознанія мы видимъ необходимое условіе возстановленія вѣчныхъ духовныхъ цѣнностей человѣческой жизни. Люди, прикованные жизнью къ интересамъ земли, должны чаще слышать кличъ: „давайте въ небо смотрѣть“! Пусть сумерки жизни прорѣжетъ лучъ Солнца Правды, пусть на морѣ житейскомъ виднѣется спасительный маякъ христіанскаго Идеала, а—послѣ этого

Пусть жизнь, какъ и прежде, темна и душна,—
Лишь бы вдали не угаснулъ маякъ идеала!
Если онъ свѣтитъ, что̀ значитъ холодная мгла,
Бурныя волны и вѣтеръ?! Пловецъ ободренный,
Свѣтомъ его озаренный,
Малодушно не броситъ весла!

